

КЛАДОИСКАНИЕ И ПРЕДАНИЯ О КЛАДАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

I.

Начинаящему говорить о чёмъ-либо изъ сибирской жизни не рѣдко приходится начинать дѣло отъ временъ блаженныя памяти Ермака, но для повѣствователя о сибирскихъ кладахъ и кладоискаціи представляется необходимою болѣе отдаленная экскурсія: въ послѣднемъ случаѣ, въ интересахъ полноты, онъ долженъ остановить вниманіе читателя и на тѣхъ отголоскахъ съдѣй древности, которые касаются уже сферы чисто миѳическихъ представлений.

Извѣстно, что вѣра простого народа въ клады, какъ плодъ миѳического міровоззрѣнія, зародилась въ нашихъ предкахъ съ неизапамятныхъ временъ. Переходя отъ тѣмной народной массы въ высшія сословія, она постепенно окрѣпла и развила въ своихъ послѣдователяхъ ту любовь къ кладоискательству, которая жива въ русскомъ народѣ до нашихъ дней. Благодаря этому, въ исторіи кладоискательства древней Руси слѣдуетъ различать два периода—языческій и христіанскій. Матеріаломъ для ознакомленія съ первыми проявленіями вѣрованій въ клады остаются пока сдни упоминанія русскихъ былинъ и сказокъ о несмѣтныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ лѣсахъ, горахъ, пещерахъ, т.-е. такой матеріаль, полной оцѣнки котораго у насъ еще не сдѣлано. Называя охранителями этихъ богатствъ то безсмертныхъ Кощеевъ, то разныхъ

Змѣевъ Горынчей, да Тугариновъ Змѣевичъ¹⁾), народная фантазія довела сказанія о кладахъ до предѣловъ баснословія, въ которомъ названныя миѳическая существа, выступавшія обыкновенно въ роли враговъ старыхъ богатырей, считались нерѣдко ужасомъ цѣлой земли: такъ, напр., на мрачномъ лѣсистомъ сѣверѣ, въ одной изъ пещеръ отдаленныхъ Печорскихъ горъ, жила крылатая змѣя, съ птичьимъ носомъ и двумя хоботами, которая извѣстна была подъ именемъ Аспиды, никогда не садилась на землю, а всегда на камень, и куда бы полетѣла, могла все опустошить; на пустынныхъ же берегахъ Волги славилась Змѣева гора: тамъ обиталъ Драконъ съ шестью головами, долго летавшій на Русь и дѣлавшій опустошенія, пока одинъ изъ богатырей не убилъ его и онъ не превратился въ камень²⁾. Несмотря, однакожъ, на страхи, внушаемые охранителями кладовъ, языческая теорія въ общемъ не отвергала возможности добычи клада, считая орудіемъ къ тому физическую силу своихъ богатырей. Этотъ взглядъ измѣнило уже христіанство. Вмѣсто миѳического существа, обладателемъ клада, скрытаго въ землѣ, по понятіямъ христіанъ, является дьяволъ и даровыми богатствомъ соблазняетъ неопытныхъ и корыстолюбивыхъ людей на погибель души, требуя отъ нихъ за это или живой головы, или же какои-либо другой дани: «аше бо или серебро, или золото сокровено будетъ подъ землею—говорится въ „Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ“—то мнози видятъ огонь горящій на томъ мѣстѣ, то діаволу показующи сребролюбивыхъ ради»³⁾. Тѣмъ не менѣе, въ народныхъ понятіяхъ кладъ представляется какъ бы живымъ существомъ, легко поддающимся на освобожденіе себя отъ опаски діавола и охотно от-

¹⁾ Въ «Замѣткахъ о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. Соболевского сказано, что имя Кощей, какъ извѣстно изъ Слова о полку Игоревѣ и лѣтописей, въ XII в. считалось за имя нарицательное, а позже означало «рабъ»; за собственное имя оно встрѣчено въ одномъ документѣ 1459 г.; имя же Тугаринъ не было рѣдкимъ въ употребленіи, какъ имъ собственное въ XVI—XVII вв. „Жив. Старина“ вып. II (1890) стр. 105.

²⁾ Костомаровъ. XXI, стр. 266, 267.

³⁾ Витевскій. Клады и кладоисканіе на Руси. „Извѣст. общ. арх. ист. и этнogr. при казанскомъ университѣтѣ“ т. XI, вып. 5 (1893) стр. 41!.

дающимъ свои богатства всякому, кто только сумѣеть найти для этого какія-либо средства. На отысканіе такихъ средствъ выступило во всеоружії древнее колдовство. Колдуны доискались, что въ добычѣ клада имѣютъ большую силу разныя травы. Благодаря этому, старые травники содержать немало указаѣй на средства для отысканія кладовъ. Болѣе всего рекомендуются травы: Планкунъ, Петровъ крестъ, Иванова глава, Спорынь, Бѣль-кормолецъ, Обыарь, Шапецъ и др. По записи одного изъ упомянутыхъ травниковъ, премудрость разысканія клада рассказана такъ: «Если хочешь о кладѣ доподлинно извѣдать, есть или нетъ, и где положенъ, и на что, и какъ и какъ его взять—возьми Шапцевъ корень, да (отъ) воскресенской (свѣчи) воскъ и раздѣли на двое; и одное половину, очерти воскомъ, положь на кладовое мѣсто, а съ кладового мѣста возми земли и съ оставшейся у тебя половиной опять раздѣли на двое и будешь три части, одна въ землѣ на кладѣ, а другую на ночь въ головы клади, а третью подъ бокъ себѣ или чистымъ платомъ у сердца привязывай на ночь,—то въ тое же ночь придетъ кладъ и будешь во сне съ тобой говорить, какъ положенъ и на что положенъ, на худо или добро, и сколь давно, и какъ лежить, пъ томъ ли мѣстѣ, гдѣ свѣча воскресенска да Шапецъ или далѣ, и въ которой сторонѣ, и какъ взять,—и доподлинно тебѣ все расскажеть и взять велить. Сія трава и Спорышева и Обыарева и Кормолцева испытаны. А сіе дѣлать по три ночи, то все извѣдашъ»⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ убѣженіе народа въ силу травъ при добычи кладовъ создало удивительные разсказы. По одному изъ такихъ разсказовъ, записанному В. Н. Витевскимъ въ Симбирской губерніи, крестьянка села Чодвалия Сев-гилеевскаго уѣзда Абрамова-Аzonская, жившая въ шестидесятыхъ годахъ, узнавъ объ одномъ кладѣ, скрытомъ въ деревнѣ Матюниной того же уѣзда, нѣсколько лѣтъ разыскивала для добычи клада траву Разрушевку. «На дворѣ Филипа Самсонова—говорила Абрамова—положенъ кладъ во 104 миллиона рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба.

⁴⁾ Забѣлицъ. „Истор. русск. жизни“ ч. II (1879) стр. 377 и 513, прим. 181.

Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежить Евангельска книга, тутъ же стоять и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень самосвѣтъ, высомъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ—мѣдная птичка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ, да тутъ же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; предъ ихъ иконами горить большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчугъ и мѣдные деньги, все съ копиями. Около клада стоитъ приставъ (чортъ) и никому не даетъ денегъ: внезапно, говоритъ, трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—есть подвалъ, туда и пойдетъ казна. Кто возметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидими Божіей Матери отнести въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше и откуда вывезъ ее какой-то разбойникъ, побратавшійся съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однажды, когда царь проходилъ по одной изъ московскихъ улицъ, на встрѣчу ему пошелся разбойникъ.—„Кто ты?“ спрашиваетъ царь.—„Разбойникъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты кто?“ любопытствуетъ разбойникъ.—„И я разбойники!“ отвѣчалъ Грозный и сказалъ: „пойдемъ исхичивать царя!“ Тогда разбойникъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: „развѣ можно исхичивать Бѣлаго царя?!“ Узнавъ потомъ, при содѣйствіи своей хитрой жены, что онъ ударилъ царя, разбойникъ закручинился, что царь прикажетъ снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не вѣдалъ, что бѣть царя, а ударилъ разбойника и стоитъ за царя же. Въ другой разъ тотъ же разбойникъ узналъ, что царю хотятъ поднести послѣ обѣди просфору съ ядомъ; онъ пришелъ къ царю и сказалъ, чтобы онъ не бралъ просфоры. Иванъ Васильичъ обнялъ разбойника, поцѣловалъ и назвалъ его меньшимъ братомъ. Видя скучность своего брата, разбойникъ задумалъ поживиться царской казной и сталъ молиться: „Помоги мнѣ Никола Милостивый, увезти у своего брата названаго банкъ съ казной и положить его на 42 человѣка бѣдныхъ!“ Никола Милостивый и помогъ ему: на семнадцати тройкахъ разбойникъ увезъ

царскую казну и зарылъ ее въ Матюнинскомъ лѣсу. Огромный ларь съ двойнымъ золотомъ подпертъ желѣзной рогатиной, въ родѣ ухваты. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бѣдныхъ 42 человѣка. Кто подыметъ этотъ кладъ, тотъ долженъ камень самосвѣтъ и камень невидимый отослать къ царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а въ зелье (карманѣ) его не класть. Отъ невидимаго камня много пользы: если Бѣлый царь объѣдетъ съ нимъ Расею, она сдѣлается невидимою для ея непріятелей; а кто найдеть и достанетъ замочную траву, тому—двойного золота гарнецъ. Трава нужна для того, чтобы сшибить замокъ у сундука, въ коемъ хранятся планы, а замокъ высомъ 16 фунтовъ. Въ выходѣ слышится иной разъ слабый женскій голосъ: не усилился, рабъ Божій, своей силой поднять казну! найди траву Разрушевку и выручи Божью Матерь изъ неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будетъ царство небесное». Случайное созвучіе словъ «подвалъ», куда пойдетъ кладъ или казна, и «Подвалъ», гдѣ жила Абрамова, усиливали въ ней увѣренность, что кладъ долженъ достаться непремѣнно кому-либо изъ жителей села Подвалья. Она истратила все свое состояніе на отысканіе завѣтной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣженіемъ въ существованіе этого клада.⁵⁾ Иногда, розыски травы легковѣрными представляли для хитрыхъ людей легкій способъ наживы: такъ, въ сороковыхъ годахъ, въ Орлѣ жилъ крестьянинъ Милютинъ, который увѣрялъ, что у него подъ избою находится кладъ; онъ спаивалъ многихъ дурманомъ и уводилъ въ подполье, гдѣ они въ подробности видѣли кладъ и давали ему деньги, чтобы достать Разрывъ-траву, безъ которой кладъ не давался⁶⁾.

Такимъ образомъ, представлялись въ народныхъ понятіяхъ живымъ существомъ, клады, вмѣстѣ съ тѣмъ, кажутся какъ бы и одаренными волею и даже кавризами. На это, въ любопытномъ труда покойнаго професс. Н. Я. Аристова „Среданія о кладахъ“, касающемся преимущественно Симбирской губерніи, приводится пѣ-

⁵⁾ Витевскій. Клады и кладоисканіе на Руси, стр. 414—416.

⁶⁾ „Труды Орловск. учен. архива. Комиссіи“ 1889. стр. 10—11.

сколько примѣровъ. Такъ въ 1752 году, священникъ села Помаева, Буйнского уѣзда, Кириллъ Михайловъ рѣшился, во чтобы то ни стало, добыть кладъ, зарытый въ оврагѣ между селомъ Помаевымъ и деревней Атишкиной. Вооружившись крестомъ и евангелиемъ отъ бѣсовскаго навожденія, о. Кириллъ, отличавшійся необыкновенной смѣлостью, отправился на мѣсто клада и принялъся отрывать его, но страшный привидѣнія до того перепугали его, что онъ бѣжалъ со страху, оставивъ на мѣстѣ крестъ и евангелие. Въ селѣ Елшанкѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, дьячокъ сталъ рѣтъ яму, чтобы поставить воротную верею; вырывъ яму не болѣе аршина въ глубину, онъ наткнулся на громадную корчагу, наполненную до-верху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, онъ, отъ радости и удивленія, выронилъ изъ устъ неприличное словцо — и корчага съ деньгами провалилась въ землю⁷⁾.

Насколько была распространена у старыхъ людей вѣра въ клады, показываетъ приверженность къ ней русскихъ князей, царей, духовенства. Но и въ высшихъ сословіяхъ дѣла о кладахъ не обходились безъ дьявола. Такъ, по свидѣтельству одной изъ рукописей Румянцевскаго музея, однажды бѣсь, желая нанести непріятность Авраамію Ростовскому, преобразился въ воина и, явившись къ великому князю Владимірскому, доложилъ ему, что Авраамій «налезе въ земли сосудъ мѣдянъ, въ немъ же множество сосудовъ златыхъ и поясовъ золотыхъ» и что на это сокровище, которому «не можно и пѣны уставити», Авраамій и монастырь устроилъ. Повѣривши бѣсовской выдумкѣ, князь приказалъ схватить подвижника, но у него оказалась лишь одна власяница. Въ Чечерскомъ патерикѣ приводится разсказъ, какъ великий князь Мстиславъ мучилъ двухъ монаховъ, пытая, куда они спрятали кладъ, будто бы найденный ими въ одной пещерѣ⁸⁾. Изъ русскихъ царей кладоискательствомъ занимался царь Иванъ Грозный. Одна изъ лѣтописей половины XVI вѣка передаетъ разсказъ о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ открылъ кладъ въ новгородской Софійской церкви: «прѣѣхавъ но-

⁷⁾ Упомянутая статья Н. Я. Аристова стр. 718.

⁸⁾ Витевский. Клады и кладоискательство на Руси, стр. 412.

щію и начать пытati про казну влючаря софійскаго и попомари и много мучивъ и не дошытася, понеже не вѣдаху; и прииде... на всходѣ, гдѣ восхождаху на церковныя палаты и на самомъ всходѣ, на правой сторонѣ, повелѣ стѣну ломати, и просыпаясь велѣ сокровище, древнія слитки въ гривну и въ полтину и въ рубль, и насыпавъ возы, послалъ къ Москву⁹⁾). Во времена Петра Великаго кладоискательству страстно предана была одна изъ сестеръ Петра — Екатерина Алексѣевна. Царевна завела сношенія съ костромскимъ попомъ Григорьевъ Елисеевымъ и призывалася брату, что попъ Гришка былъ у нея для того, будто онъ по планетамъ клады узнаетъ; послѣдній же чистосердечно повѣдалъ, что говорилъ такъ царевнѣ «обманомъ для взятку». Несмотря на это, изъ головы царевны не выходило кладоискательство и она посыпала своихъ слугъ на кладбища разрывать могилы и вообще провѣдывать, нѣтъ ли гдѣ кладовъ. Узнавъ, что въ 220 верстахъ отъ Москвы, на дворѣ у мужика, въ хлѣвѣ, подъ гнилыми досками стоитъ котелъ денегъ, царевна послала туда «для взятъя кладу» дворцоваго сторожа, но клада не найдено; лица же, указывавшія на этотъ кладъ, по розыску Петра оказались также „обманщиками“¹⁰⁾.

Благодаря такимъ устоямъ народныхъ вѣрованій въ клады, первые русские насељники Сибири, вслѣдъ за походами Ермака, начали выдвигать на пространныя дебри зановоеванныхъ земель цѣлыми партіями кладоискателей. Баснословная сказанія о сибирскихъ богатствахъ вообще и особенное изобиліе въ Сибири древніхъ городищъ, могиль и кургановъ на первыхъ же порахъ русской колонизаціи обратили сибирское кладоискательство въ особый про-

⁹⁾ Карамзинъ. Исторія государя Россійскаго, т. VIII, прим. 153. По другому извѣстію, подобный же кладъ («срѣбра древніхъ рублевъ новгородскихъ литьыхъ 170, а полтинъ 44») найденъ быть ранѣе, въ 1524 году, въ землѣ, при повтореніи новгородской Пятницкой церкви; чрезъ четыре года (въ 1528 г.) лѣтописецъ прибавилъ къ этому извѣстію такую подробность: «28 октября, въ часъ обѣдни, въ церкви Пятницы опустился помостъ у лѣваго крылоса, гдѣ прежде нашли кладъ; народъ бросился изъ церкви, и множество людей задавили, 80 женщинъ и 4 мужчинъ...» Карамзинъ, VII, прим. 383.

¹⁰⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV стр. 158 и 139, т. XIV, стр. 283 и 284.

мысль, заманчивость которого развивалась и усиливалась мѣстными преданіями о кладахъ.

Къ сожалѣнію, литература сибирскаго кладоискательства весьма бѣдна и отрывочна: сибирскія лѣтописи не даютъ по этому предмету никакихъ указаний, а труды двухъ-трехъ сибирскихъ историковъ заключаютъ весьма немногія, при томъ какъ бы случайныя, замѣчанія, вытекающія уже изъ популяризациіи другихъ сторонъ сибирской жизни.

Не располагая вообще достаточнымъ матеріаломъ, мы не можемъ обѣщать многаго по изслѣдованію сибирскаго кладоискательства и въ предлагаемой статьѣ. Задача ея—передать въ одномъ цѣльномъ изложеніи тѣ отрывки, какие даетъ для ознакомленія съ одной изъ любопытныхъ сторонъ сибирской жизни общая исторія Сибири, и вмѣстѣ представить, по другимъ источникамъ, такую же группировку народныхъ преданій о кладахъ въ отношеніи Западной Сибири¹¹⁾.

II.

Первые свѣдѣнія о сибирскомъ кладоискательствѣ встрѣчаются въ замѣчаніяхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ старой Сибири въ половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Весьма образованный по своему времени, ученый сербъ Юрій Крижаничъ, прожившій въ Сибири пятнадцать лѣтъ (съ 1659 г.), въ одномъ изъ своихъ сочиненій о сибирскихъ царствахъ, говоритъ: «Въ Сибири есть неизвѣстныя могилы древнихъ Скиевъ, на которыхъ уже выросли

¹¹⁾ О кладахъ Восточной Сибири въ свое время печатались статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1857 г. („Клады Восточной Сибири“. Н. С. Щукинъ. № 222), „Запискахъ Сибирского отдѣла Ими. Русск. Геогр. Общ.“ 1864 г. („Клады за Байкаломъ“ П. Келлбергъ, кн. 7, стр. 89—91) и „Живописн. Обозрѣніи“ 1874 г. („Клады въ Восточной Сибири“, № 22, стр. 342—344); о кладахъ же Западной Сибири, если не считать найденной по смерти извѣстного по разнороднымъ сочиненіямъ о Сибири С. И. Гуляева въ рукописи, любопытной статьи „Бугровщики“, остающейся неизвѣстно почему до сего времени ненапечатанной, мы подобныхъ трудовъ не знаемъ.

кустарники или лѣсь: разыскать ихъ можно не иначе, какъ при помощи колдовства. Съ этой цѣлью, нѣкоторые люди отдаются чернокнижію и, найдя таковыя могилы, иногда вырываютъ изъ нихъ немного серебра. Я самъ видѣлъ серебряные сосуды, вырытые такимъ образомъ»¹²⁾. Извѣстный географъ Витенъ, имѣвшій въ своемъ музеѣ нѣкоторыя сибирскія древности, въ сочиненіи „Сѣверная и Восточная Татарія“ (Noord en Oost-Tartarye), изданномъ въ 1692 г. въ Амстердамѣ, говоритъ, что «недалеко отъ Тоболя встрѣчаются подъ горами особаго рода весьма древнія могилы, въ которыхъ, кромѣ костей покойниковъ, была находима металлическая утварь изъ серебра, мѣди и желѣза». Подобныя свѣдѣнія встрѣчаются и въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ, путешествовавшихъ по Сибири и обращавшихъ вниманіе на культурные остатки древнихъ сибирскихъ народовъ, какъ, наприм., Штранденберга (1730 г.), Гмелина (1751), Палласа (1771—1776), Георгіи (1772—1774), Сиверса (1796) и друг. Но первымъ ученымъ, обратившимъ большее вниманіе на расхищевіе кладоискателями сибирскихъ древностей, былъ докторъ Мессершмидтъ, пробывшій въ Сибири, по порученію Петра Великаго, около семи (1720—1727) лѣтъ. Въ обширномъ дневникѣ его, о современныхъ ему кладоискателяхъ или «бугровщикахъ», встрѣчаются между прочими слѣдующія замѣчанія:

«25 марта 1721 г. Русскіе, живущіе по верхнему теченію Оби, называются Ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за отканываніемъ золота и серебра, находимаго въ могилахъ; впервые занялись этимъ русскіе, жившіе на Ишимѣ; оттуда они подвигались все далѣе и далѣе, пока въ своихъ поискахъ такихъ могиль не дошли до Оби; поэтому всѣхъ поселяющихся здѣсь на Оби пришельцевъ изъ Тары, Нарыма, Тобольска, Казани, Соликамска и другихъ мѣстностей, называютъ Ишимцами и Ишимскими. Въ этой Чусской слободѣ около 150 жителей; занимаются они хлѣбопашествомъ и торговлей мѣхами... Но главнымъ образомъ

¹²⁾ „Исторія о Сибири“ въ сборнике старини, русскихъ статей „Сибирь въ XVII вѣкѣ“, изд. Г. Юдина (1890), стр. 191.

они зарабатывают много денегъ раскопками въ степяхъ. Съ по-
следнимъ саннымъ путемъ они отправляются за 20—30 дней юзда
въ степи; собираются со всѣхъ окрестныхъ деревень, въ числѣ
200—300 и болѣе человѣкъ, и разбиваются на отряды по мѣстно-
стямъ, гдѣ разсчитываютъ найти что-нибудь. Затѣмъ эти отряды
расходятся въ разныя стороны, но лишь на столько, чтобы имѣть
всегда между собою сообщеніе и, въ случаѣ прихода калмыковъ
или казаковъ, быть въ состояніи защищаться; имъ нерѣдко при-
ходится съ ними драться, а инымъ и платиться жизнью. Найдя
такія насыпи надъ могилами язычниковъ, они иногда, правда, ко-
паютъ напрасно и находятъ только разныя желѣзныя и мѣдныя
вещи, которая плохо оплачиваютъ ихъ трудъ, но иногда имъ слу-
чается находить въ этихъ могилахъ много золотыхъ и серебря-
ныхъ вещей, фунтовъ по 5, 6 и 7, состоящихъ изъ принадлежно-
стей конской сбруи, панцырныхъ украшений, идоловъ и другихъ
предметовъ.

«31 октября 1724 г. Древнія скиескія могилы, какія я во
множествѣ встрѣтилъ 28 окт. между Halakappa-h-chadda, на р.
Ylach, и Baldshinah-amüth, забывъ только отмѣтить ихъ въ
своемъ мѣстѣ, были и здѣсь, при впаденіи Катауды въ Туру, но
въ меньшемъ количествѣ. Повидимому онѣ уже давно были раз-
граблены русскими, живущими на р. Ингодѣ, и приходящими сю-
да отовсюду «гуляшниками» или бродягами, и древностей, требу-
емыхъ его превосходительствомъ г. президентомъ Блюментростомъ,
по высочайшему его величества повелѣнію, здѣсь нельзя отыскать,
потому что онѣ либо законно (по особому указу) сдаются бугров-
щиками въ кассы и приказы, либо незаконно раздариваются воево-
дамъ и приказнымъ за угощенія пивомъ и водкой, устраиваемыя
съ этою или подобною-же цѣлью подъ названіемъ празднованій
тезоименитствъ и дней рожденія, либо иногда продаются другимъ
богатымъ русскимъ. Самы же бугровщики или могильщики всегда
бѣдняки и себѣ такихъ древностей не оставляютъ.

«28 ноября 1725 г. Поручикъ Рудольфи сообщилъ мнѣ, что
въ сколько лѣтъ тому назадъ, по берегамъ Оби находилось много
языческихъ могилъ, наполненныхъ множествомъ золота и серебра,

но что въ настоящее время онѣ разрыты русскими бугровщиками
такъ, что нужно обладать особыеннымъ счастіемъ, чтобы случайно
напастъ еще на что-нибудь, да притомъ весьма неважное»¹³⁾.

По словамъ первого историка Сибири Миллера, численность
сибирскихъ владоискателей не уступала партіямъ охотниковъ на
соболиный промыселъ, а этотъ промыселъ доходилъ въ Сибири до
того, что «языческіе народы ходили въ собольихъ шубахъ, да и
лыжи подбивали соболями»¹⁴⁾. Четвертая первое замѣчаніе истори-
ка, путешествовавшаго по Сибири съ 1732 года, извѣстный люби-
тель сибирской старины Спасскій, въ статьѣ „о сибирскихъ древ-
нихъ курганахъ“ говоритъ, что рѣдкіе изъ замѣчательныхъ па-
мятниковъ давнопрошедшаго «до нынѣшняго времени (1812 г.)
остались не разрытыми: золото и серебро побудило корыстолюби-
выхъ нарушить и въ самыхъ сихъ пустыняхъ мирное убѣжище
вокойниковъ»¹⁵⁾.

Начальные отдѣльные случаи владоискательства въ старой
Сибири слѣдуетъ относить къ первымъ годамъ XVII столѣтія; съ
половины же столѣтія, когда русскіе населеніки, считавшіе въ
первоначальный звѣроловный и бродячій періодъ колонизаціи края
главной прибыльной статьею звѣроловство, съ уменьшеніемъ улова
пушнаго звѣря и удаленіемъ инородцевъ въ степи, горы и лѣса,
приступили къ хлѣбопашеству и скотоводству, сибирское владоиска-
ніе дошло до размѣровъ общаго весьма распространенного про-
мысла. Видя на земляхъ, отнятыхъ у инородцевъ множество кур-
гановъ, бугровъ, могильныхъ насыпей, цѣлыя артели такъ назы-
ваемыхъ «бугровщиковъ» устремили свою дѣятельность на разрытіе
ихъ и добычу сокрытыхъ въ нихъ сокровищъ. Многія изъ этихъ
могиль или кургановъ были до того богаты находящимися въ
нихъ золотыми вещами, что заслужили отъ владоискателей назва-
ніе—«золотарей». Находки въ курганахъ и могилахъ золотыхъ и
другихъ вещей были весьма не рѣдки. Изъ множества примѣровъ

¹³⁾ „Материалы по археологии Россіи, № 3. Сибирскія древности“ т. I, вып. 1 (1888), прилож. стр. 10 и 19.

¹⁴⁾ „Ежемѣсячн. сочин. и изв. о учен. дѣлахъ“ 1764. мартъ, стр. 220.

¹⁵⁾ „Сибирск. Вѣст.“ 1818. ч. 2, стр. 28.

укажемъ на нѣкоторыя. Въ одномъ изъ кургановъ, находящихся на лѣвомъ берегу р. Алея, впадающаго въ Иртышъ, въ два поиска¹⁶⁾ кладоискателями найдено было, въ разныхъ издѣліяхъ, до 60 ф. золота. Докторъ Бель, бывшій въ свитѣ посланника въ Китай, капитана гвардіи Измайлова (1719—1720), между прочими рѣдкостями, вырытыми изъ могиль кузнецкихъ, видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ металла и нѣсколько звѣрковъ изъ золота. По разсказу тому же Белю одного изъ кладоискателей, онъ дoryлся однажды до свода, подъ которымъ лежалъ оставъ человѣка на серебряной доскѣ съ доспѣхами—лукомъ, стрѣлами и колчаномъ¹⁷⁾.

Развившееся кладоискательство и распросы ученыхъ путешественниковъ о мѣстныхъ древностяхъ возбудили къ нимъ внимание и нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ по тому времени сибиряковъ, особенно же изъ лицъ облеченныхъ властію. Послѣднія стали составлять у себя коллекціи этихъ древностей, которыхъ несомнѣнно терялись для науки, такъ какъ собиратели смотрѣли на нихъ какъ на курьезы, и раздавали ихъ разнымъ лицамъ, по смерти которыхъ вещи мало по малу совершенно исчезали. Существуетъ преданіе, что много такихъ древностей, полученныхъ отъ сибирскихъ воеводъ, погибло въ общемъ богатствѣ извѣстнаго губернатора Гагарина. Не такъ давно (въ 1883 г.), сибирскіе кладоискатели почему-то вообразили, что князь Гагаринъ, возвращаясь изъ Тобольска въ Петербургъ, зарылъ свои сокровища въ одномъ древнемъ городкѣ, слѣды котораго находятся противъ татарской деревни Мулаши, по правому берегу р. Пышмы, и принялись разрывать неповинный городокъ; немногого же позднѣе, тюменскій купецъ Т., ради тѣхъ же воображаемыхъ сокровищъ, разнесъ, можно сказать, городокъ до основанія и испортилъ лежащіе близъ него высочайшіе курганы, не найдя, разумѣется, княжескихъ сокровищъ¹⁸⁾. Что старыя сибирскія власти присваивали себѣ значи-

¹⁶⁾ Костровъ. „Юридические обычаи крестьянъ-старожиловъ Томск. губ.“ (1876) стр. 42.

¹⁷⁾ Словцовъ. „Истор. обозр. Сибири“ (1886) I стр. 304.

¹⁸⁾ „Записки Зап.-сибир. отд. Русс. Геогр. общ.“ 1885. кн. VII стр. 10 и 11. Вообще, народная фантазія присвоиваетъ князю Гагарину владѣніе огромными

тельную часть вырываемыхъ кладоискателями вещей, мы это видѣли уже изъ дневника Миссершмидта. Въ томъ же дневникѣ 4-го мая 1723 г. разсказывается, что у красноярскаго воеводы Д. Б. Зубова, «могильного золота, по словамъ золотыхъ дѣль мастеровъ, очищавшихъ это золото, было болѣе чѣмъ на нѣсколько тысячъ рублей», благодаря чему, доктору «не удалось добѣть тамъ ничего курьезнаго»; тотъ же путешественникъ, въ другомъ мѣстѣ дневника, замѣчаетъ, что изъ могильныхъ древностей ему весьма хотѣлось пріобрѣсть красиваго шайтана изъ желтой мѣди, въ видѣ полу-зvѣра и полу-человѣка, бывшаго во владѣніи нарымскаго воеводы О. Е. Кашинскаго, но послѣ разныхъ отговорокъ, воевода сказалъ, что «онъ самъ хочетъ послать его въ Тобольскъ, къ князю (Гагарину)¹⁹⁾.» По замѣчанію путешественника Гмелина (въ 1735 г.) въ числѣ могильныхъ рѣдкостей другого красноярскаго воеводы, былъ вырытый изъ кургана родъ подноса и небольшой горшокъ изъ серебра подъ золотомъ; на подносѣ были изображены разныя фигуры²⁰⁾. Въ нашемъ столѣтіи случаи обладанія подобными могильными находками встрѣчались между полицейскими чинами, которые иногда даже сами разрывали курганы. По разсказамъ покойнаго Н. А. Абрамова, одинъ изъ бывшихъ засѣдателей Кокбентинскаго округа (нынѣшней Семипал. обл.), разрывая древній курганъ, открылъ въ немъ могилу, которая была выложена изъ глинистаго сланцеваго камня, покрыта внутри алоей краской и закрыта плитами изъ того же камня; въ могилѣ найдено было мелкихъ золотыхъ украшеній 19 золотниковъ. Въ 1853 г. въ Туринскомъ округѣ однимъ засѣдателемъ, также въ курганѣ, найдено нѣсколько серебряныхъ вещей²¹⁾. Подобные случаи обладанія чиновъ полиціи могильными находками, часто даже весьма значительными (какъ, наприм., цѣлыми коллекціями вещей каменнаго

богатствами, о которыхъ, между прочимъ, поется въ одной изъ былинъ пѣсень, записанной въ Камышловскомъ уѣздѣ А. Я. Кокосовымъ („Чтеи. въ общ. истор. и древн.“ 1877. кн. 3, стр. 104 и 105).

¹⁹⁾ „Материалы по археол. Россіи“, стр. 18, 10 и 12.

²⁰⁾ Словцовъ. I, 304.

²¹⁾ „Извѣст. Археол. общ.“ т. II (1861) в. 4, стр. 225.

въка), были сравнительно и въ недавнее время—60-70-хъ гг.²²⁾.

Многочисленные случаи кладоискательства подали правительству поводъ къ нѣкоторымъ особымъ распоряженіямъ относительно кладовъ. Случаи преслѣдованія сибирскихъ кладоискателей встречаются еще за время царя Алексея Михайловича. Упоминаемый выше Крижаничъ, изъ своего житья-бытъя въ Тобольскѣ, разсказываетъ такой случай: «У сибирскихъ татаръ есть обычаи погребать съ знатными людьми ихъ оружіе, серебряные сосуды и конскія украшенія, а иногда и деньги. Во время моего (тамъ) пребыванія умеръ одинъ бухарецъ, по имени Муратъ. Молва говорила, что съ нимъ было зарыто восемь тысячъ рублей золотомъ. Нѣкоторые изъ московскихъ стрѣльцовъ сдѣлали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутомъ²³⁾). Въ 1669 году до Москвы дошло извѣстіе, что въ Тобольскомъ уѣздѣ, около рѣки Исети и въ окрестностяхъ ея, кладоискатели выкашываютъ изъ татарскихъ могиль золотыя и серебряныя вещи, почему правительство и задалось вопросомъ: откуда татары могли имѣть золото и серебро? Отвѣтъ на вопросъ послужилъ слѣдующій любопытный, основанный будто бы на башкирскихъ извѣстіяхъ, разсказъ старца далматовского монастыря Лота: «въ уфимскомъ-де дистриктѣ, за каменными горами, при устьяхъ рѣкъ Уфы, Гадая и Яика, въ горахъ безчисленное сокровище золотыхъ и серебряныхъ рудъ обрѣтается, и въ прежнія-де времена старинные сибирскіе татары и калмыки изъ тѣхъ горъ золотую и серебряную руду добывали и плавили: что-де и нынѣ тѣ признаки плавильныхъ печей и копальныхъ ямъ видны, и объ оныхъ рудахъ тѣ башкиры нагайской націи у престарѣлой женщины, которая была въ полону въ улусѣ царевича Рючука и оной отъ роду имѣлось болѣе ста лѣтъ, увѣдомились, что въ древнихъ лѣтахъ оные люди, которые въ тѣхъ мѣстахъ жили, означенную руду копали и плавили». По разсказу Лота, въ указанныя имъ мѣстности были командированы изъ Тобольска «служилые люди», по разслѣдованію которыхъ приведеныя

свѣдѣнія будтобы и подтвердились: оказалось, что вблизи горы, лежащей около рѣки Тасми, впадающей въ Вай, находится башкирское кочевье, жители которого добываютъ въ горѣ руду, выплавляютъ изъ нея золото и серебро и «тайнымъ образомъ продаютъ россійскому народу по 12 рублей пудъ»²⁴⁾.

Это темное дѣло разъясняетъ намъ разсказъ того же серба Крижаница, гдѣ упомянутый старецъ Лотъ является дѣйствующимъ лицомъ подъ именемъ Іова. По этому разсказу, проживавъ въ одномъ монастырѣ, лежащемъ на р. Исети, Іовъ сталъ извѣстенъ тѣмъ, что выплавлялъ изъ руды, добываемой имъ изъ сосѣдней горы, серебро, и продавалъ его по частямъ въ слиткахъ; въ дѣйствительности же находилъ его, при помоши колдовства, въ древнихъ могилахъ. Прибывшій въ то время въ Тобольскъ воевода, какъ говорятъ, носилъ кольцо, въ которомъ заключалась діавольская сила. Получивъ свѣдѣніе о рудѣ, добываемой Іовомъ, воевода не замедлилъ добыть изъ монашеской горы большое количество камней, которые дѣйствительно блестѣли, какъ серебро, но въ сущности были простымъ «талькомъ». Дѣло дошло до царя, которому воевода донесъ, что въ Сибири есть гора, гдѣ много камней, имѣющихъ видъ серебра, и что нѣкоторый монахъ неоднократно выплавлялъ изъ нихъ серебро. «Узнавъ объ этомъ—говорится далѣе въ разсказѣ—царь немедленно послалъ гонца въ Саксонію и велѣлъ пригласить оттуда какого-нибудь искуснаго рудознатца. Такимъ образомъ прибылъ нѣкоторый тайный чернокнижникъ изъ числа тѣхъ, которые называютъ себя братьями розенкрайцерами. Немного спустя былъ вызванъ въ Москву и самъ воевода; ему было приказано представить хваленый камень, чтобы рудознатель, въ присутствіи царя, испыталъ его доброкачественность. Воевода даль камень, тотъ взялъ его, положилъ въ огонь, растолокъ, подвергъ дѣйствию огня и расплавилъ. При опытѣ присутствовали царь и первый изъ его совѣтниковъ: они, не спуская глазъ, наблюдали за тѣмъ, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатель представилъ имъ двѣ-три найденныхъ на днѣ

²²⁾ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1892. № 37 и 42; „Сиб. Лист.“ 1892. № 80.

²³⁾ „Исторія о Сибири“ въ изд. Юдина, стр. 190 и 191.

²⁴⁾ „Извѣстія Археолог. общ.“ т. V (1865) вып. I, стр. 38—40.

униці серебра. Но все это произошло благодаря обману, заранѣе условленному между двумя вышесказанными чернокнижниками: воевода просверлилъ и продолбилъ этотъ мягкий камень буравчикомъ, а скважину наполнилъ серебрянымъ пескомъ и искусно прикрылъ ее тѣмъ же камнемъ; рудознатецъ же, будучи соучастникомъ въ обманѣ (и ему было выгодно обмануть царя, чтобы такимъ образомъ далѣе пользоваться щедрымъ жалованіемъ), ни мало не осмотрѣлъ камня, поспѣшилъ его растолочь, чтобы нельзя было замѣтить скважины и обнаружить обманъ. Итакъ, царь послалъ этого самого рудознатца къ вышеупомянутой Сибирской горѣ, давъ ему въ помощь другихъ товарищѣй, того же ремесла, и два отрида войска²⁵⁾. Пробывъ тамъ нѣ тече віе года или болѣе, они перекопали всю руду, плавили ее и перевралили, но не выплавили серебра ни капли. Итакъ, до смерти засѣкши плетью вышеупомянутаго обманщика монаха (такъ какъ и онъ по приказанію находился при нихъ), они возвратились въ Москву. Воевода же вскорѣ погибъ убитый разбойниками, а рудознатецъ былъ лишенъ жалованья и нѣкоторое время во всеобщемъ презрѣніи проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ.»²⁶⁾

Обращаясь къ колдовству сибирскихъ кладоискателей, мы должны однажды замѣтить, что старая Сибирь была извѣстна вообще за страну, сильно зараженную суевѣремъ, тѣмъ не менѣе свѣдѣ-

25) И. Тыжновъ въ „Обзорѣ иностранныхъ извѣстій о Сибири XVI в.“ („Сибирь. Сбор.“ 1887. стр. 116) предполагаетъ, что этотъ разсказъ касается неудачно окончившихся въ 1672—1674 гг. развѣдокъ руды въ Сибири посланныхъ изъ Москвы думными дворяниномъ Яковомъ Тим. Хитрово.

26) „Исторія о Сибири“ (въ упомянутомъ въ вин. 12-й изд.) стр. 190, 191, 193 и 194. Извѣстный Спасскій, помѣщая въ свое время эту „исторію“ въ „Сибирь. Вѣсти“, отнесся къ разсказу Крижанича скептически. По его словамъ, въ отысканіи древнихъ сибирскихъ могилъ (кургановъ), кладоискатели не могли встрѣтить затрудненій, такъ какъ на нѣкоторыхъ могилахъ находились высокія насыпи, на другихъ были поставлены огромные камни, или наложены груды камней, на многихъ же росли деревья и кустарники, хотя послѣднія могилы находились ча сто въ бесплодныхъ пустыньяхъ, непроизводившихъ ничего, кроме сухой солонечной травы. «Но въ отличіи богатыхъ могилъ отъ бѣдныхъ, гробокопатели имѣли особенный извѣсь и искусство... Вообще замѣтно..., что сочинитель вѣрилъ чистосердечно чародѣйству...» „Сибирь. Вѣсти.“ 1822. кн. 3, стр. 55 и 56.

ній о пріемахъ, употреблявшихся сибирскими колдунаами при отысканіи кладовъ, до насъ дошло весьма немного. Съ этимъ, впрочемъ, мы еще познакомимся, а теперь продолжимъ перечисленіе тѣхъ мѣропріятій правительства, какія касались сокращенія хищническаго кладоискательства.

При Петрѣ Первомъ правительство смотрѣло на влады, какъ на богатство ему принадлежащее. Въ 1721 году, когда послѣдовало отъ сибирского губернатора кн. Черкасского донесеніе о золотѣ, находимомъ въ могилахъ, изданъ былъ извѣстный указъ: «Куріозныя вещи, которая находятся въ Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому гдѣ надлежитъ, настоящею цѣною, и, не переплавливая, присыпать въ Бергъ и Мануфактуръ Коллегію»²⁷⁾. Сообразно взглѣдамъ великаго преобразователя, принимала разныя мѣры въ уменьшенію самовольнаго кладоискательства и мѣстная сибирская администрація. Въ апрѣль 1727 года, одна артель кладоискателей, въ числѣ восьми человѣкъ крестьянъ Малышевской слободы (Кузнецкаго округа) «пошла на степь бугорвать, и бугровала до июня мѣсяца, и пошла назадъ въ оную слободу и, будучи у озера Горшкова, искала утокъ лѣсныхъ и разошлась въ розы; и наѣхала на нихъ на томъ озерѣ казачья орда киргизы и взяла ихъ въ полонъ всѣхъ 8 человѣкъ и повезла къ Иртышу; и одинъ изъ нихъ ушелъ съ дороги ночью, а четырехъ человѣкъ оная казачья орда на становъ убила до смерти; и съ того мѣста разѣхались, и ихъ Ямашевской крѣпости солдаты и служилые люди отбили». По этому дѣлу сибирской губернской канцеляріей 27 сентября того же года было опредѣлено: тремъ отбитымъ у киргизовъ кузнецкимъ крестьянамъ, «которые были на бугрованіѣ, учинить наказанье, бить батоги нещадно, за то, что они ъздили въ степь безъ отпуска, и, по учиненныи наказанія, выслать въ Кузнецкъ, а въ Кузнецкъ и въ уѣздѣ о томъ публиковать, дабы никто, подъ жестокимъ наказаніемъ въ степь для бугрованія не ъздиль»²⁸⁾. Позднѣе, за время императрицы Екатерины II, з

27) Полн. Собр. Зак. VI, № 3738.

28) Костровъ. „Юридические обычаи“, стр. 42.

іюля 1764 г., послѣдовалъ особый указъ сената, о запрещеніи выходить за границу, на стени, для отысканія въ древнихъ могилахъ кладовъ²⁹⁾, но взглѣды правительства на принадлежность ему кладовъ измѣнились: на клады, какъ и всѣ богатства, скрытые въ недрахъ земли, распространяется право собственности владѣльца земли, что было особо подтверждено и жалованно грамотою дзюринаству³⁰⁾. Въ 1803 г. 7 октября былъ изданъ указъ, въ которомъ сенатъ изъяснялъ, что кладъ безъ позволенія владѣльца земли, не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ³¹⁾. Въ X томѣ свода гражданскихъ законовъ, по изданію 1832 г., сказано, что «кладъ принадлежитъ владѣльцу земли» и при томъ объяснено, что «кладъ есть скрытое въ землѣ или строеніи сокровище³²⁾. Въ изданіи того же свода законовъ 1842 г., т.-е. чрезъ десять лѣтъ, повторена снова эта статья о правѣ владѣвія кладомъ, по изъ опредѣленія пенитія «кладъ» опущены слова «или строеніе»³³⁾. Этотъ же законъ о правѣ владѣнія кладомъ вошелъ и въ изданіе свода 1857 года.

Но для сибирскихъ кладоискателей, за рѣдкими исключеніями, приведенные распоряженія оставались видимо мертвыми: среди безчисленного множества древнихъ могилъ или кургановъ, разныхъ городищъ или древнихъ укрѣпленныхъ пунктовъ и, наконецъ, слѣдовъ древнихъ рудныхъ разработокъ, имъ казалось выгоднѣе прислушиваться къ мѣстнымъ преданіямъ объ этихъ богатыхъ памятникахъ незапамятныхъ временъ, чѣмъ исполнять требования закона.

III.

Народныя преданія Сибири, за хранилища кладовъ, считаются, больше всего, «чудскія могилы». Главное преданіе въ этомъ слу-

²⁹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI, № 12199.

³⁰⁾ Полн. Собр. Зак. XXI, № 15447.

³¹⁾ Полн. Собр. Зак. XXVII, № 20958.

³²⁾ См. ст. 269.

³³⁾ См. ст. 398.

чаѣ сводится къ тому, что въ Сибири, задолго до прихода русскихъ, жила блоглазая Чудь. Она занималась въ горахъ добычею золота и серебра. Передъ походомъ Ермака, въ Чудской землѣ стала рости береза, которая до того времени была неизвѣстна. Шаманы объяснили это явленіе тѣмъ, что скоро придутъ воины благого царя и покорятъ Чудь. Она испугалась и зарыла себя заживо, со всѣми своими сокровищами³⁴⁾. Благодаря этому, о нѣкоторыхъ сибирскихъ курганахъ, имѣющихъ наверху ямы, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что такие курганы оскли вслѣдствіе подгнившихъ внутри ихъ стоек³⁵⁾. Приведенное преданіе особенно распространено въ Западной Сибири; въ Восточной же Сибири, оно встрѣчается между нѣкоторыми племенами инородцевъ: тунгусы, напримѣръ, разсказывая о покореніи ихъ русскими, прибавляютъ, что многіе изъ предковъ ихъ сдѣлали родъ навѣса, на который насыпали земли и каменьевъ, затѣмъ собирались подъ наѣсь, подрубили столбы и заживо погребли себя³⁶⁾.

Несомнѣнно, что разсказанное преданіе пережило нѣсколько редакцій и дѣлъ, приведенныя изъ нихъ, по упоминаніямъ «Ермака» и «русскихъ», можно относить къ числу болѣе позднихъ. Въ сего днѣ Пермскомъ краѣ преданіе это варьируется нѣсколько иначе и пермскія редакціи его во всякомъ случаѣ древнѣе редакцій сибирскихъ. Ни Ермака, ни березы въ послѣднихъ не упоминается. По записи А. Е. Теплоухова, князья и начальники Чуди, жившій на западныхъ предгоріяхъ Урала, тѣснѣмые русскими миссіонерами и поселенцами, предпочли,—чтобы спасти свою языческую религію и умереть, какъ мученикамъ въ странѣ своихъ отцовъ,—прокопать подземные ходы, куда они скрылись со своими семей-

³⁴⁾ Костровъ. „Юридические обычаи...“, стр. 42. Въ „Запискахъ объ Енисейской губерніи“ И. Цестова (1833. стр. 294—297) помѣщена между прочимъ пѣсня татарского башлыка о чудскихъ могилахъ въ Минусинскомъ округѣ, передающая сюжѣтъ вѣщихъ шамановъ Чуди—закопаться въ землю.

³⁵⁾ На дачахъ, наприм., Сүзетскаго участка, Барнаульскаго округа. „Топограф. свѣдѣнія о курганахъ Запад. Сибири“ В. М. Флоринскаго (1889) стр. 51.

³⁶⁾ „Извѣстія Восточ.-Сибир. отд. Географическ. общества“, т. XXI, № 2, стр. 10.

ствами и сокровищами и, наконецъ, снявъ деревянныя подпорки, зарыли себѣ жинными³⁷⁾). По другому варианту преданія, въ чудскихъ ямахъ, при появленіи въ Пермской странѣ Степы-угодника (св. Стефана), Чудь погибла не вся: «много тоже ея въ лѣсѣ убѣжало—говорятъ пермяки—мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились»³⁸⁾. Въ чудскихъ ямахъ, по другимъ рассказамъ, скрыты великия богатства, клады, такъ какъ въ Чуди всѣ были большия разбойники, которые пѣлыми ватагами нападали на деревни и го-
рода и грабили, а потому денегъ у нихъ было видимо-невидимо. Многіе обогатились отъ этихъ кладовъ³⁹⁾). Въ Чердынскомъ уѣздѣ, напримѣръ, находятся два огромныхъ массива—Золотая гора у села Акчима и Говорливая скала у села Говорливаго. Обѣ эти воз-
вышенности являются доминирующими надъ окрестностями и служатъ предметами многихъ сказаний и легендъ о Чуди: въ Золотой горѣ, будто бы, скрыты многіе чудскіе клады и сокровища и можно слышать даже, какъ звенитъ золото, которое пересыпаютъ духи горы въ часы полночной тишины⁴⁰⁾.

Сопоставляя приведенное преданіе съ тѣмъ материаломъ, кото-
рымъ старается освѣтить туманный доисторический периодъ древ-
нихъ народовъ Сибири наша историческая наука, и задавансь вмѣ-
стѣ вопросомъ, кого именно разумѣеть то преданіе подъ именемъ Чуди, мы встрѣчаемся съ массой разнохарактерныхъ обобщеній. Замѣтимъ, что Чудь упоминается въ нашихъ лѣтоисчислѣяхъ, какъ многочисленный народъ. По словамъ Мидлера, «Чудь знаменуетъ на русскомъ языѣ вообще первобытныхъ жителей: ибо ежели вы на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-ни-
будь укрѣденіе, могилу, дренажное зданіе, спросите у жителей—кто соорудилъ ихъ? то они вамъ отвѣтствуютъ: Чудь, народъ, который

³⁷⁾ О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уральскихъ горахъ. „Записки уральского общ. любителей естествозн.“. 1880. т. VI, вып. I, стр. 29.

³⁸⁾ „Вѣстн. Европы“ 1883. мартъ, стр. 235—236.

³⁹⁾ По замѣчанію Н. Добротворского, эти рассказы составляютъ, несомнѣнно, памѣтъ на „разореніе“, какое дѣлали финскія племена русскимъ въ XIII—XV стол. Тамъ же, стр. 236.

⁴⁰⁾ А. В. Елисѣевъ. „По бѣлу-срѣту“ (1893), стр. 122.

обиталъ здѣсь прежде русскихъ». Но, къ этому замѣчанію, относился скептически уже Карамзинъ⁴¹⁾, а за нимъ и позднѣйшіе историки. Не входя въ опѣнку образовавшихся по этому поводу весьма разнородныхъ теорій, какъ неотносящуюся къ задачѣ настоящей статьи, мы коснемся лишь того обобщенія, которое, благодаря китаискимъ указаніямъ, въ связи съ успѣхами современной археологии, представляется какъ бы канвой, въ которой можно находить узоръ, послужившій зародышемъ упомянутаго преданія.

Извѣстно, что древняя Сибирь, какъ и все восточно-азіатское плоскогорье была великимъ, рѣдко затихавшимъ трактомъ народныхъ эмиграцій, направлявшихся отъ востока къ западу. По свѣдѣніямъ китайскихъ историковъ, самыми отдаленными отъ насъ по времени были перекочевки съ востока разныхъ народовъ тюркскаго происхожденія, а именно—Хунну, сдѣлавшихся могущественными въ III вѣкѣ до Р. Х., затѣмъ Жунжанъ, позднѣе Тукю, Хойхой и наконецъ Хагасъ. Начало такихъ перекочевокъ относится къ IV вѣку послѣ Р. Х. Направляясь къ западу, эти народы, въ большей части своей, естественно должны были сталкиваться съ аборигенами Сибири, положеніе которыхъ объясняется до нѣкоторой степени тѣми же историками. Въ сѣверной исторіи (Бэй-Шы) говорится, что въ 492 году уйгурскій царь Афуджило покинулъ съ 100.000 своего народа Селенгу, направился на западъ и основалъ на верховьяхъ Иртыша самостоятельное государство. Далѣе та же исторія сообщаетъ, что Или-Ханъ-Тумынъ, царь восточныхъ Тукю, напалъ съ сѣвера (Алтая) на передвигавшихся къ Иртышу Телессовъ (Уйгурсовъ) и подчинилъ себѣ Аймакъ, состоявшій изъ 50.000 кибитокъ. Подъ вліяніемъ побѣды, Тумынъ отправилъ въ Анахуану—главѣ народа Жунжанъ—предложеніе брачнаго союза съ его

⁴¹⁾ Карамзинъ. „Истор. госуд. Россійск.“ I, прим. 73. Сибирскій историкъ Фишеръ („Сибир. исторія“ 1774. стр. 79 и 80) слову „Чудь“ даетъ такое объясненіе: „Заключаю подъ нимъ не токмо Эстляндцевъ и Финновъ, но и всѣхъ народовъ, говорящихъ сроднымъ финскому языкамъ; во всеобщемъ смыслѣ слово Чудь значить у Россіянъ неопределеннѣмъ образомъ чужаго, или человѣка, котораго жилище никому неизвѣстно, почти такъ же, какъ прежде сего Скиѳа и Варваръ, или иныхъ Татаринъ“.

домомъ, но Анахуанъ, разгнѣванный такою дерзостью, отвѣчалъ: «какъ осмѣливаешься ты, мой плавильщикъ (т.-е. занимающейся обработкой металловъ), дѣлать мнѣ такое предложеніе?» Впослѣдствіи Тумынъ, породнившись съ китайской династіей Вей, въ 552 году послалъ войско противъ Жунжанъ и одержалъ надъ ними побѣду. Затѣмъ по другой исторіи (династіи Тханъ), между Уйгурами и народомъ Хагасъ велись продолжительныя войны. Государство Хагасъ, жителей которого позднѣйшіе китайскіе писатели называютъ Киликиси (киргизы), было весьма могущественно, имѣло до 80.000 строевого войска и простиравось отъ верховьевъ Иртыша до верховьевъ Енисея, занимая собственно Алтай.

Однакожъ, владычество тюркскихъ племенъ въ Сибири, особенно процвѣтавшее въ IV—VII столѣтіяхъ, вслѣдствіе внутренней борьбы нацельниковъ, постепенно слабѣло, пока, наконецъ, въ XIII в. не было низвергнуто стремившимися съ востока народами монгольского происхожденія, подъ предводительствомъ Чингизъ-хана.

Такимъ образомъ, приведенные свѣдѣнія указываютъ намъ время, когда тюркскія и монгольскія народныя волны попали въ сѣверную Азію; по географическому же расположению туземцовъ на сѣверѣ Сибири, можно думать, что до этого времени двѣ упомянутыя волны такимъ же образомъ вторгнулись съ юга на Алтай. Это племена Енисейцевъ и Угро-Самоѣдовъ. «Такъ какъ послѣдніе—говорить авторъ любопытной статьи „Аборигены Сибири“ В. В. Радловъ⁴²⁾—принадлежатъ по языку къ семейству урало-алтайскихъ народовъ, то Угро-Самоѣды въ прежнія времена жили, безъ сомнѣнія, близко отъ Турко-Монголовъ, и не безъ основанія можно полагать, что они принадлежали къ тому племени, которое до тюркскихъ племенъ удалилось съ древняго мѣстожительства Урало-Алтайцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Енисейцы, совершенно отличающіеся по языку отъ урало-алтайскихъ племенъ, собственно самые древніе жители Сибири. Это доказываетъ и малочисленность Енисейцевъ, которые скоро совершенно исчезнутъ. За Енисеями же, можетъ быть, во времена народа Хунну, т.-е. до на-

чала нашего лѣтосчисленія, послѣдовали племена угро-самоѣдскія. Что Самоѣды дѣйствительно перешли черезъ Алтайскій хребетъ, доказываютъ намъ Камассинцы, живущіе на правомъ берегу Енисея, Койбалы, которые только въ началѣ прошлаго столѣтія переселились съ Саянскихъ горъ въ покинутую киргизами Абаканскую степь и, наконецъ, нѣкоторыя племена Саянцевъ, которая всѣ, безъ сомнѣнія, самоѣдскаго происхожденія». Многочисленныя археологическія изслѣдованія, произведенныя въ Сибири въ 1860-хъ годахъ и позднѣе, особенно же изслѣдованія тѣхъ копей, которыхъ упрочили за собою название «чудскихъ», остановили В. В. Радлова на мысли, что Угро-Самоѣды, во время переселенія въ упомянутыя мѣстности, знали уже употребленіе металловъ, благодаря чему, этотъ же народъ оставилъ намъ и всѣ найденные въ Сибири древности, относящіяся къ бронзовому periodу, т.-е. тому времени, когда еще не было извѣстно употребленіе желѣза. «Разрабатывая копи—говорить академикъ въ другомъ мѣстѣ упомянутой статьи—рудокопы этого народа слѣдовали за направленіемъ металлоносныхъ штоковъ, которые поднимаются изъ глубины къ поверхности земли. Всѣ штоки наверху шире чѣмъ внизу; недостатокъ въ инструментахъ заставлялъ работать болѣею частью на поверхности земли. Глубина штоковъ никогда не превышаетъ 7 сажень. Хотя Угро-Самоѣды и умѣли подкрѣплять свои копи (во многихъ изъ нихъ находились деревянныя крѣпи въ потолкахъ камеръ), но они все-таки, какъ кажется, не были опыты въ искусствѣ установленія крѣпей, такъ какъ нерѣдко ихъ штоки проваливались и работники погибали, что доказываютъ намъ встрѣчающіеся въ копяхъ скелеты и сумки съ рудою. Громадное количество чудскихъ копей свидѣтельствуетъ о значительномъ распространеніи горнаго дѣла, такъ что Угро-Самоѣды добывали не только необходимые для своего употребленія металлы, но и вели ими обширную торговлю. Для расплавленія мѣдной и звонкой руды Угро-Самоѣды имѣли въ разныхъ мѣстахъ Алтая и Саянскихъ горъ плавильныя печи. Слѣды такихъ печей приходилось встрѣчать очень много, особенно при устьѣ рѣки Шулбы, впадающей въ Иртышъ⁴³⁾».

⁴²⁾ „Живописная Россія“ т. XI (1884) стр. 7, 8 и 9.

⁴³⁾ Тамъ же, стр. 11 и 12. По словамъ А. Е. Теплоухова („Записки

легко можетъ быть, что скелеты древнихъ сибирскихъ пла-
вильщиковъ, мирно почивавшихъ въ своихъ случайныхъ могилахъ,
на пластахъ богатой руды, послужили, въ приведенномъ выше пре-
даніи, олицетвореніемъ той бѣлоглазой Чуди, которая въ испугѣ
отъ непріятеля зарыла себя живою. Не лише замѣтить, что по
народнымъ понятіямъ, эта бѣлоглазая Чудь, или тѣ «чудаки», ко-
торые хранять свои клады, внезапно оживаютъ, лишь только кто-
нибудь приблизится къ ихъ сокровищамъ. Послѣднею подробностью
упомянутое преданіе дополняется въ Томской губерніи; тамъ го-
ворятъ еще, что видъ этихъ чудаковъ до того ужасенъ, что нѣ-
которые смѣльчики, разрывавшіе могилы ихъ, выходили оттуда со-
вершенно помѣшанными и не могли поправиться во всю жизнь^{44).}
На ряду съ обще-распространеннымъ преданіемъ о кладахъ,
оставленныхъ Чудью, въ Западной Сибири, существуетъ не мало
преданій о кладахъ, относящихся ко временамъ татарского владычества. Подобно «чудскимъ могиламъ», большинство кургановъ,
скрывающихъ эти клады, давнымъ давно и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже по нѣсколько разъ было разрываемо кладоискателями.
Приведемъ изъ этихъ преданій болѣе любопытныя.

Въ 8-ми верстахъ отъ нынѣшняго гор. Кургана, на живо-
писномъ лѣвомъ берегу р. Тобола, тамъ, гдѣ до города была перво-
начально, около 1663 года, основана слобода Царево городище, воз-
вышается высокая мѣстность, называемая татарами Алгинскимъ
или знаменитымъ яромъ. Здѣсь въ древности имѣлъ свой юртъ
одинъ знаменитый изъ татарскихъ или ногайскихъ хановъ. Въ се-
мействѣ его отличалась необыкновенною красотою дочь Судѣбѣ
уральского общества любителей естествозн., т. VI вып. I, стр. 29), до сихъ
поръ въ бассейнѣ р. Камы не открыто ни одного кладбища съ кладами и выше-
упомянутое преданіе о Чуди, быть можетъ, зиждется на томъ, что въ Алтай-
скихъ горахъ, а отчасти и на Уральскихъ, найдены брошенные серебряные и
мѣдные рудники. Ови были давно извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ
«чудскихъ» копей и во время заселенія страны русскими служили поводомъ къ
заложенію правильныхъ горныхъ работъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣча-
тельенъ на Уралѣ Гумешевский рудникъ, въ 53 в. къ югу отъ Екатеринбурга,
описанный Чупинымъ («Географ. и статист. словарь Перм. губ.» стр. 417—433).

⁴⁴⁾ Костровъ. «Юридическ. обычай», стр. 48.

угодно было прекратить ея жизнь въ лѣтахъ расцвѣтавшей моло-
дости. По смерти, родители похоронили милое дитя вблизи своего
жилища и надъ могилою приказали насыпать высокій земляной
курганъ. Курганъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Царева. Въ пер-
вый разъ русскіе кладоискатели разрыли его еще до водворенія
своего въ Сибири и въ немъ найдены были серебряные сосуды, до-
рогія украшенія и разныя вещи. При такихъ поискахъ будтобы
погребенная подъ курганомъ царевна, немогшая выносить нару-
шенія покоя, принуждена была оставить свою могилу. Въ одну
лѣтнюю ночь, когда кладоискатели разрывали курганъ, вдругъ изъ
глубины его, на окованной серебромъ колесницѣ, запряженной дву-
мя бѣлыми лошадьми, показалась юная дѣвица-красавица, съ рас-
пущенными волосами, въ блестящемъ разными каменьями голов-
номъ уборѣ и богатѣйшемъ татарскомъ платьѣ. Она мгновенно про-
неслась въ западу и вмѣстѣ съ колесницею утонула въ глубинѣ
Чухломскаго озера, находящагося въ недальнемъ разстояніи отъ
кургана^{45).} Есть свѣдѣнія, что въ XVII столѣтіи, до открытия въ
Тоболѣ намѣстничества, когда Курганскій округъ подчиненъ
былъ Оренбургской губерніи, оренбургскій комендантъ Мещерскій,
начиная съ Царева-кургана, разрылъ еще нѣсколько кургановъ, но
что нашелъ въ нихъ, неизвѣстно^{46).}

Въ 20-ти верстахъ отъ Тюмени, кругомъ Андреевскаго озе-
ра (влѣво отъ тракта на Омскъ), до сего времени сохраняются слѣ-
ды находившихся тутъ когда-то древнихъ городковъ, гдѣ также
хранятся клады. Мѣстные татары относятъ эти городки къ глубо-
кой древности, а сооруженія ихъ приписываютъ какимъ-то дѣви-
цамъ-фуріямъ. Счетъ ямокъ, внутри каждого городка, ведутъ по
числу этихъ фурій. «Здѣсь жило сорокъ злыхъ дѣвокъ». — говори-
роль И. Я. Словцову, осматрившему слѣды одного изъ этихъ го-

⁴⁵⁾ „Извѣстія Археолог. Общества“ т. II (1861), вып. 4. стр. 224 и 226.

⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 224 и „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1860. № 5. Курганскій округъ
вообще изобилуетъ курганами. Они описаны въ ст. Р. Г. Игнатьева „Памятники
древностей въ Курганскомъ округѣ“, помещенной въ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1873.
№ 18—22, 24 и 25. Царевъ-курганъ уже послѣ раскопки Мещерскаго, описанъ
быть и Палласомъ, въ его „Путешествій по Россіи“.

родковъ, мѣстный татаринъ Усманъ—а вотъ на Пышмѣ, противъ Мулаши,—тамъ много, старики сказываютъ семидесять семь». Возображеніе татаръ вѣроятно и въ настоящее время населяетъ эти городища сонмомъ злыхъ духовъ, такъ какъ послѣ каждого посѣщенія ихъ они окуриваются. Окуливаніе дѣлается женщинами съ тою цѣлью, чтобы злой духъ не прокрался въ комнату вмѣстѣ съ хозяиномъ⁴⁷⁾.

На мѣстѣ старой татарской столицы Сибири, Искера, вблизи Тобольска сохраняются будто бы клады извѣстнаго сибирскаго хана Кучума, бросившаго здѣсь часть своего богатства. Миллеръ говоритъ, что «околынныя россійскіе жители, ищущіе закопанныхъ въ землю пожитковъ, вездѣ глубокія ямы покопали, изъ которыхъ нѣкоторые недаромъ трудились»⁴⁸⁾; то же подтверждаетъ и другой сибирскій историкъ Фишеръ⁴⁹⁾. Позднѣе любитель-археологъ М. С. Знаменскій, между слѣдами старого Кучумова жилья, видѣлъ, между прочимъ, колодезь, который нѣкоторые считаютъ подземнымъ ходомъ: тутъ-то, говорить преданіе, и спрятаны ханомъ нѣкоторые изъ своихъ пожитковъ. По словамъ одного старика, этотъ колодезь сверху обложенъ былъ каменными плитами; «на моихъ памяткахъ,—говорилъ этотъ старикъ (въ 1880 г.),—эти плиты алема-совскіе крестьяне разобрали себѣ въ печи, да видно зарокъ былъ у татаръ наложенъ: всѣ перемерли, которые плиты-то взяли... не приведи Богъ и богатство его искать»⁵⁰⁾.

По преданіямъ тобольскихъ татаръ, не мало дорогого имущества Кучума скрыто въ мѣстахъ старыхъ городковъ, неходящихъ въ ближайшихъ къ Тобольску окрестностяхъ, гдѣ жили нѣкоторыя изъ женъ хана. На одномъ изъ этихъ городковъ, слѣды котораго находятся на крутомъ обрывистомъ берегу Иртыша въ 7 верстахъ отъ Тобольска, гдѣ жила царица-красавица Сузге, въ темныя ночи, нерѣдко видится огонекъ; по другимъ же рассказамъ,

⁴⁷⁾ „Записки Зап.-сиб. отд. Русс. Геогр. общ.“ 1885. кн. VII, стр. 32.

⁴⁸⁾ Миллеръ. „Опис. Сибир. царства“ 1750. стр. 135 и 136.

⁴⁹⁾ Фишеръ. „Сибир. ист.“ 1774. стр. 132.

⁵⁰⁾ М. Знаменскій. „Искеръ“. (Тоб. 1891.) стр. 8.

надъ обрывомъ горы видали даже всадника на огненномъ конѣ⁵¹⁾.

Но самая значительная часть богатствъ Кучума заключается въ кладахъ, хранящихся въ могилѣ его. Преданіе объ этомъ записано въ 1862 году въ Кузнецкомъ округѣ, Томской губерніи, со словъ крещенаго татарина Алексея Малькова, считающаго себя потомкомъ Кучума. По словамъ преданія, когда Кучума вытѣсили изъ Искера, то ханъ поселился на рекѣ, называемой нынѣ Кучу-Мында (Кузнецкаго округа въ Алтайскомъ краѣ). Кучу-Мында течетъ изъ высокой горы Абатъ и впадаетъ съ правой стороны въ реку Тайдантъ, а эта последняя съ правой же стороны въ реку Томь. Здѣсь-то и окончилъ свои тревожные дни побѣженный русскими удальцами ханъ и похороненъ съ живою дѣвицей, а вдѣль его могилой насыпаны три кургана (шихана). Середній шиханъ больше остальныхъ: подъ нимъ находится самая могила Кучума; подъ двумя же боковыми зарыто его имущество. Эти курганы мѣстные ясачные (Аильской инородной управы) инородцы хотѣли было разрыть, но побоялись⁵²⁾.

Къ сѣверу Западной Сибири, татарскія преданія о кладахъ смѣняются русскими. Этихъ преданій немного. Въ большинствѣ случаевъ, старые владельцы богатствъ, заключающихся въ этихъ кладахъ, русскому человѣку неизвѣстны; онъ знаетъ одно, что клады эти есть, но добыть ихъ не легко—мѣшаетъ «нечистая сила». Таково, напримѣръ, преданіе о кладѣ, хранящемся на старомъ городищѣ села Самаровскаго, въ 500 верст. къ сѣверу отъ Тобольска.

«Давно это было, если вѣрить старикамъ, очень давно. Шлыль самаровецъ на однодеревкѣ, казкисъ съ покоса. Глядѣть: на верху того, эвонъ, что бѣлѣтъ, Городищенского мыса горить матерая (большая) свѣча. Испугался онъ.—Что за напасть! Докуль (пока)

⁵¹⁾ „Тобол. Губ. Вѣд.“ 1882. № 34. Городки женъ Кучума описаны въ ст. Н. Абрамова „Алафейская гора“, помѣщенной въ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1862. №№ 21 и 22. Одинъ изъ вариантовъ упомянутыхъ преданій, о ночной экскурсіи мѣстныхъ татаръ въ городокъ царицы Сузге разказанъ мною иедакно въ стихотвореніи „Утесь Сузге“, помѣщенному въ газетѣ „Енисей“ (1895. № 138).

⁵²⁾ Могила Кучума. (Изъ рассказовъ старожила.) Ф. Голубевъ. „Сибир. Вѣст.“. 1889. № 79.

живу, экого лива не видывалъ!—Пріѣхалъ въ село, скликать народъ, рассказалъ. Покачали головами самаровцы:—Дивяя бы (будь-бы) онъ пьянъ былъ, баютъ, а то мужикъ тверезый, основательный! Побѣжали на гору—тамъ ничего нѣть; воротились назадъ, посмотрѣли съ рѣки—всамдѣль (дѣйствительно) свѣча горить; опять на гору—тамъ оиять ничего, и такъ каждый разъ. Прошло немнога-немало, денъ восемь, ѿхалъ другой самаровецъ съ переметомъ (рыболовныя ловушки), глядь на Городищенскомъ мысу, на томъ самомъ мѣстѣ, где видѣли свѣчу, бѣлая дѣвка на золотомъ конѣ ъздитъ. Онъ даже перекрестился со страху. Пріѣхалъ въ село: такъ и такъ, ребята!—Да ты не врешь, парень? взаболь (въ самомъ дѣлѣ)?—Что вы, братцы! зачѣмъ враты! я не таковской.—Эка вяха (бѣда)! Не къ добру это... право слово, не къ добру!—Поглядѣли съ рѣки—и впрямь дѣвка ъздитъ; побѣжали на гору—ничего нѣть. Ну, прямо сказать, тоже, что со свѣчей выходить. Смекнули они, что дѣло не чисто; думали да думали, судили да рядили, и порѣшили міромъ: зарыть этта-ка (здесь) кладъ, и кладъ очень большой! Но кладъ, извѣстно дѣло, просто не лается. Послали за захаремъ: какъ быть? что дѣлать? Тотъ погадалъ-новорожиль.—Надо, баетъ (говорить) выкупъ бѣлой дѣвкѣ дать: али дѣвичью голову, али кошачью. Самаровцы предпочли отдатьться кошачьей головой. Убили на томъ самомъ мѣстѣ, подъ заклинаніемъ захаря, кошку и принялись отрывать кладъ. Много дней копали они яму (а копать, по словамъ захаря, можно было только днемъ, до заката солнца) и выкопали яму глубокую-преглубокую.—Ну (сказалъ однажды захарь), сегодня больше робить нельзя—пора и пошабашить (закончить). А завтра придете и кончите: теперь всего какой-нибудь аршинъ докопать осталось! И попутай въ эту ночь «нечистый» одного изн копавшихъ кладъ...—Если дождусь до утра (подумалъ)—мнѣ достанется одна только выть (пай, часть), а пойду сейчасъ,—заполучу весь кладъ... неужто за ночь аршина земли не докопаю!—Пошелъ онъ на Городищенскій мысъ, спустился въ яму и принялся за работу. Умаялся парень копать, но и отдыкать не думалъ, тѣмъ болѣе, что лопата уже звенѣла о чѣ-то металлическое. Въ ту же минуту надъ головой его раздался гро-

мовой ударъ; онъ поднялъ голову и обомѣль, выпустивъ изъ рукъ лопату: бѣлая дѣвка на золотомъ конѣ стояла надъ ямой, зловѣще сверкая очами; конь ударилъ копытомъ въ верхній край ямы, и на голову алчаго ослушника обрушились глыбы земли... Когда на утро самаровцы пришли докапывать яму, она оказалась засыпанной, и захаръ, рассказавъ о гибели товарища, заявилъ имъ, что бѣлая дѣвка теперь осерчала, и потому вторично копать кладъ бесполезно: онъ не дастся въ руки. Много спустя лѣтъ, почитай (пожалуй) шестидесять тому назадъ, пробовали самаровцы еще разъ копать городищенскій кладъ, но и на этотъ разъ какъ-то не пофартило⁵³⁾.

Въ Кетской волости, Томскаго округа, саженяхъ въ 40 отъ выселка Куриного, находится курганъ, вышиною до $1\frac{1}{2}$ саженъ, въ окружности около 40 саженъ. Мѣстные крестьяне увѣряютъ,

⁵³⁾ „Сибирск. Вѣстн.“ 1896. № 126, статья „По Оби и по Иртышу“. Нѣкоторое сходство деталей, особенно въ отношеніи выкупа самаровцами городищенского клада, встрѣчается въ одномъ литовскомъ преданіи, записанномъ въ Сувалк. губерніи. Одному чернорабочему, шедшему поздно вечеромъ вблизи пруда, въ такомъ мѣстѣ послѣднаго, куда не можетъ ступить человѣческая нога, по причинѣ необыкновенно илестаго дна, показался свѣтъ: подойдя ближе, онъ замѣтилъ на водѣ огромный плавающій сундукъ, крышка которого быстро открылась и сундукъ оказался наполненнымъ червонцами; на одномъ же конѣ сундука сидѣла дѣва съ распущенными волосами и скоро принялась чесать ихъ, а на другомъ конѣ сидѣла прекрасный юноша съ мечомъ. Сундукъ подплылъ къ прохожему такъ близко, что онъ могъ достать его бывшимъ у него совкомъ. Оробѣть сначала, чернорабочій скоро однажъ оправился, захватилъ совкомъ нѣсколько червонцевъ и выбросилъ ихъ на берегъ. Тутъ дѣва вступила съ нимъ въ разговоры и сказала, что можно завладѣть и цѣлымъ кладомъ, но надо достать для этого 12 головъ. Исполнить это рабочему показалось не возможнымъ и, не теряя времени, онъ снова протянулъ къ сундуку совокъ, но юноша ударилъ по нему мечомъ и отрубилъ конецъ совка.—Глупый!—сказала дѣва—много ли труда стоило тебѣ поймать двѣнадцать куръ, воробьевъ или даже мухъ, вотъ бы и завладѣть кладомъ; уже столько стоятъ мы бережемъ его, но ни однаго не нашлось находчиваго!—Съ этими словами стало темно, сундукъ съ большими стукомъ закрылся и исчезъ въ водѣ. Рабочникъ отъ испуга бѣжалъ и съ разсѣтой, вдвое съ женой, снова отправился на это мѣсто. И что же? прудъ какъ былъ заросшій травою, такъ и есть, на водѣ плаваетъ отрубленный конецъ совка, а на берегу въ травѣ лежитъ нѣсколько червонцевъ. Мѣсто это литовцы считаютъ заколдованнымъ „Жив. Стар.“ 1890. вып. 1, смѣсь, стр. 16 и 17.

что если ударить по кургану, чѣмъ-либо тяжелымъ, то по звуку кажется, что внутри его существует пустота. Здѣсь, будтобы, похороненъ былъ заколдованный богатырь и вмѣстѣ съ нимъ кладъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, они пробовали раскопать курганъ, но во время этой попытки, у нихъ выбило градомъ весь хлѣбъ, послѣ чего никто уже не рѣшался снова приняться за раскопку изъ суевѣрнаго страха⁵⁴⁾.

Оставляя сѣверъ Западной Сибири, послушаемъ преданій о кладахъ въ южныхъ степныхъ ея окраинахъ. Это—преданія, которыя сберегла намъ память киргизовъ.

По одному изъ такихъ преданій, въ 10 верстахъ отъ устья рѣки Калжира, текущей большими водопадами изъ озера Марки, около вытекающей изъ нея рѣчки Карамодона, есть довольно обширное укрѣпленіе, обнесенное стѣной, сложенной изъ нежженаго кирпича. Отъ этого укрѣпленія въ 20 верстахъ, въ обрывистой высокими стремнинами каменной горѣ, сохраняется закладенная въ пещеру „калмыцкая поклажа“, состоящая изъ дорогихъ металловъ и камней на большую сумму, которая положена была калмыками въ то время, когда, по возмущеніи противъ китайского правительства джунгарскаго князя Амурсаны, они бѣжали въ русскіе предѣлы. Мѣсто это называется „кайма“ т.-е. поклажа⁵⁵⁾.

По другимъ преданіямъ, вблизи калмыцкаго клада при рѣчкѣ Тарыкѣ, впадающей справа въ Иртышъ, въ высокой и крутой горѣ Боконбаѣ, находится три пещеры, одна надъ другой. Въ нижней пещерѣ когда-то найдена была каменная доска, съ высѣченными на ней монгольскими буквами. По этимъ буквамъ догадались, что около тѣхъ мѣстъ въ древности жилъ монгольскій князь, по смерти которого тѣло сожжено и прахъ его положенъ въ чугунную большую чашу, при чемъ тутъ же положено было на большую сумму изъ его имѣнія дорогихъ металловъ и камней. Впослѣдствіи эта чаша занесена въ верхнюю пещеру, до которой будтобы нѣкото-

⁵⁴⁾ В. М. Флоринский. „Топограф. свѣд. о курганахъ“, стр. 69.

⁵⁵⁾ Н. Абрамовъ. Озеро Норъ-Зайсанъ съ его окрестностями. „Тобольск. Губ. Вѣд.“ 1860. № 21, стр. 159.

рые изъ смѣльчаковъ спускались по веревкамъ, желая воспользоваться кладомъ, но по суевѣрію и предразсудкамъ удерживались отъ похищенія⁵⁶⁾.

Не лишне замѣтить, что киргизы, также какъ и другие инородцы Сибири, преданы знахарству и чаредѣйству. Въ преданіяхъ о сибирскихъ кладоискателяхъ, упоминаются между прочимъ и киргизские знахари. Такъ, въ 1850 г. одинъ изъ такихъ знахарей, оказавшися киргизомъ Кокбектинского округа Манжоромъ Елемъсовымъ, проѣзжая по деревнямъ Чарышской волости Бійского округа, вызвался пошаманить крестьянамъ деревень Пустынки, Чагырки и друг., не скрыто ли клада въ большомъ курганѣ, находящемся вблизи этихъ деревень. Мѣстные крестьяне обрадовались, напоили киргиза виномъ, дали ему денегъ, и онъ сталъ шаманить. Невидимые духи передали шаману, что въ курганѣ лежитъ несметное количество золота. Крестьяне оставили всѣ домашнія работы и принялись за разрытие кургана, но были остановлены мѣстнымъ начальствомъ; ихъ едва было не предали суду за преступленіе противъ вѣры, такъ какъ они участвовали въ шаманствѣ⁵⁷⁾.

Любопытны также преданія о кладахъ, существующія въ Барабинской степи. Объ одномъ (Маслихинскомъ) курганѣ рассказываютъ, наприм., что какіе-то пріѣзжіе люди коали его и откопали золотую тельгу, но она ушла въ землю. Передается также разсказъ, что одному крестьянину-рыбаку во снѣ явился старецъ и приказалъкопать курганъ, гдѣ онъ за тремя чугунными дверями долженъ былъ увидѣть красавицу и набрать золота и серебра, сколько угодно. Когда рыбакъ началъ копать курганъ, то дѣйствительно встрѣтилъ въ подземельѣ красавицу, окруженнюю сокровищами; красавица велѣла ему отыскать трехъ Ивановъ Ивановичей, дѣтей одного отца, принести голову одного изъ Ивановъ⁵⁸⁾—и тогда только достанутся ему видѣнныя имъ сокровища.

⁵⁶⁾ Тамъ же.

⁵⁷⁾ Костровъ „Юридические обычай“, стр. 42 и 43.

⁵⁸⁾ Иногда условия добычи клада бывали еще мудренѣе. Такъ, въ Вологодской губерніи (въ Троицко-Енальской вол., Кадниковскаго уѣзда) въ мѣстечкѣ

Рассказывают еще и такъ: дѣвицу-царевну, окруживъ сокровищами, скоронилъ ея отецъ-ханъ. Она сидитъ на богатомъ стулѣ съ распущенными волосами и съ золотымъ гребнемъ въ рукахъ. Она такъ прекрасна, что увидѣвшій ее не можетъ утерпѣть, чтобы не поцѣловать, а поцѣловавъ — не можетъ уже выйти изъ подземелья; въ этомъ и заключается его гибель. А если онъ дотронется до гребня или до кольца, то раздастся громъ, и кладоискатель попрежнему очутится на поверхности кургана съ заступомъ въ рукахъ^{59).}

Но едва ли не самая большая коллекція преданій о сибирскихъ кладахъ распространена на время походовъ въ Сибирь старого разбойника Ермака и удалыхъ его подвигниковъ. Послѣднія преданія тѣмъ любопытнѣе, что находятъ себѣ подтвержденіе въ трудахъ первыхъ сибирскихъ историковъ.

Послушаемъ и этихъ преданій.

IV.

Раздольное Поволжье, съ его темными лѣсами, высокими горами и глубокими оврагами, гдѣ когда-то проходили свою наuku шайки смѣлыхъ русскихъ разбойниковъ, какъ известно, воспитало въ той же средѣ разгульной вольницы и будущаго завоевателя Сибири. Тамъ, по многоводнымъ притокамъ Волги, представлявшимъ удобные притоны бѣглецовъ, недовольныхъ господствовавшимъ порядкомъ дѣлъ старой Руси, жива и доселѣ еще память объ атаманѣ Ермакѣ Тимофеевичѣ и есаулѣ его Иванѣ Кольцовѣ: въ нынѣшнемъ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, при такъ называемой Самарской лукѣ, память этаувѣковѣчна названіями двухъ селъ «Ермакова» и «Кольцова», въ друг-

“Большая осина” существуетъ кладъ — цѣлый котель денегъ, исключительно золотой монеты — для отысканія которого требуется «спѣть 40 пѣсенъ, не упоминая ни дружка, ни подружки, и кромѣ того во время пѣнія надо быть на осинѣ вверхъ ногами». Охотниковъ разумѣется не находится. „Жив. Стар.“ 1892. вып. III, стр. 119.

⁵⁹⁾ „Живописн. Россія“ т. XI, ст. Г. Н. Потанина «Бараба», стр. 101.

гихъ же мѣстахъ ее передаютъ потомству, въ прихотливо-украшенной формѣ, народныя преданія о кладахъ Ермака.

Продолженіе подобныхъ преданій, служившихъ часто примккой къ мѣстамъ кладовъ славнаго Ермака сибирскихъ кладоискателей, мы находимъ какъ на мѣстахъ стоянокъ удалого атамана во время передвиженія его съ ратью на Сибирь въ нынѣшнемъ Пермскомъ краѣ, такъ и въ бывшихъ владѣніяхъ сибирского хана Кучума, или нынѣшней Западной Сибири.

По р. Чусовой, въ 34-хъ верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рч. Ермаковки возвышается и донынѣ известняковая скала около 25-ти саж. высотою и 30-ти саж. длиною. Эта скала называется «Ермакъ-камень» и заключаетъ въ себѣ обширную пещеру, раздѣленную на множество гротовъ. Преданіе говоритъ, что во время своего похода въ Сибирь, Ермакъ зимовалъ въ этой пещерѣ и похоронилъ въ ней свои сокровища. По поводу этого преданія въ исторіи Миллера встрѣчается такое замѣчаніе: «Если словесному преданію тамошнихъ жителей вѣрить, то Ермакъ до походу своего въ Сибирь уже такъ богатъ былъ, что онъ запотребно не разсудилъ всѣ свои сокровища съ собою везти, но онъ сохранилъ въ пещерѣ, которая въ камнѣ при рѣкѣ Чусовой, около половины вышины его, находится, въ томъ намѣреніи, что онъ возмѣтъ опять, когда изъ Сибири возвратится. Сей камень и понынѣ для памяти того дѣла называется Ермаковъ камень». Во времена Миллера въ 7 верст. отъ этого камня была деревня Кончикъ, которую населяли крестьяне Строгановыхъ и ногулы, приписанные къ Верхотурскому уѣзду, между которыми нашлись люди, бывавшіе въ упомянутой пещерѣ. По разспросамъ историка оказалось, однакоожъ, что эти удалцы, «понеже камень стоитъ утесомъ, а отверстіе пещеры есть отъ рѣки, то они сверху того камня до самаго отверстія на веревкахъ спустились, и вошедши нашли пещеру весьма пространну, токмо слѣдовъ находившагося тамъ сокровища никакихъ не видали»^{60).} Очевидно, рассказчики не были уже первыми посѣтителями заманчивой пе-

⁶⁰⁾ Миллеръ. „Опис. Сибир. царства“ 1750, стр. 101.

щеры, скрывавшей въ себѣ, по предположенію Миллера, пожитки Ермака «отъ повольскихъ разбоевъ» и частію «отъ первого зимняго похода».

Кромѣ «Ермакъ-камня», въ Пермскомъ краѣ находится нѣсколько «Ермаковыхъ городищъ», изъ которыхъ въ двухъ народная фантазія считаетъ также нахожденіе дорогихъ кладовъ.

Первое городище находится въ сѣверо-восточной части Кунгурскаго уѣзда, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при впаденіи въ нее рѣчка Кокуя. Тутъ была стоянка Ермака съ казаками въ теченіе зимы 1579—1580 гг., по окончаніи которой, съ наступленіемъ весны, онъ перешелъ Ураль и, идя далѣе берегомъ рѣки Журавлика, достигъ до рѣч. Баранчи, по которой плылъ уже на плотахъ въ р. Тагиль. Въ екатеринбургскомъ горномъ архивѣ имѣется дѣло 1738 г. «о ѿздѣ на Кушвинскій заводъ бергмейстера Клеопина», горнаго офицера, изъ дневника котораго видно, что упомянутая стоянка Ермака была «въ крѣпкомъ мѣстѣ, между двухъ рѣчекъ въ мысу, и отъ свободной стороны было два рва, кои (и) нынѣ значатъ, шириной не меньше 3 аршинъ, глубиною 1½ аршина; внутри ихъ и по всему мысу великий ельникъ и березникъ выросъ и тутъ же копаны бывали ямы, знатно для какихъ поклајтъ»⁶¹⁾.

Второе городище находится въ Верхотурскомъ уѣзде, въ 16 верст. отъ Нижнетагильского завода и въ 4 верстахъ ниже впаденія въ Тагиль рѣки Баранчи, при устьѣ рѣч. Медвѣдки. Тутъ видѣнъ ровъ, который тянется параллельно съ рѣкою на 36 арш., а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и идетъ въ томъ направленіи на 24 аршина. Внутри находится пять ямъ. По преданію, тутъ было укрѣпленіе, построенное Ермакомъ съ дружиною послѣ того, какъ онъ, перешедши черезъ Ураль, поплылъ на плотахъ по Баранчѣ и достигъ Тагила. Академикъ Палласъ, осматривавшій это городище въ юлѣ 1770 г., между прочимъ, говоритъ: «внутри рва выкопана четырехъугольная двухсаженная яма полтора аршина глубиною, а двѣ, кажется, на подобіе по-

⁶¹⁾ Н. К. Чупнинъ. „Географ. и статистич. словарь Пермской губ.“ (1873), стр. 481—486.

гребовъ или подземныхъ жилищъ, вырыты: одна близъ самаго рва, а другая саженяхъ въ 25-ти отъ ручья Медвѣдки и саженяхъ въ 40 отъ Тагила; послѣдняя сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовымъ погребомъ служила, въ коемъ при отѣздѣ прятали добычу и тяжелые припасы»⁶²⁾.

Изъ кладовъ, оставшихся послѣ боевыхъ схватокъ Ермака съ татарами, преданія считаютъ болѣе богатыми клады, зарытые около устья Туры и гдѣ-то вблизи Бегишевскаго озера.

Плывя весной 1581 г. устьемъ Туры, Ермакъ при впаденіи этой рѣки въ Тоболъ имѣлъ жестокое сраженіе съ шестью татарскими князьями, продолжавшееся нѣсколько дней. Главными изъ этихъ князцовъ были Кашкара, Варвара и Майтмасъ, имена которыхъ сохранились и до настоящаго времени въ названіи трехъ татарскихъ селеній, расположенныхъ въ Ялуторовскомъ округѣ по тракту на Тобольскъ. Здѣсь побито было множество татарь, и одержавъ полную победу, Ермакъ «столько получилъ добычи, что не можно было всего съ собою на судахъ вести, но нѣкоторую часть принужденъ былъ закопать въ землю»⁶³⁾.

Въ злополучный походъ изъ Искера вверхъ по Иртышу, окончившійся смертью Ермака, храбрый атаманъ имѣлъ кровопролитную битву съ татарскимъ князцомъ Бегишемъ. Мѣсто это находится въ нынѣшней Бѣгишевской волости, Тобольского округа. Здѣсь Ермакъ также «получилъ въ добычу множество богатства и великое число всякихъ сѣйствныхъ припасовъ, которые онъ до своего (несостоявшагося) возвращенія, приказалъ закопать въ землю»⁶⁴⁾.

Подобная же преданія не оставляютъ безъ кладовъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣсть, иногда даже и такихъ, въ которыхъ Ермакъ вовсе не бывалъ. Такъ, около дер. Новофилатовой, въ 52 верст. отъ Тобольска по тракту на Березовъ, на возвышенности

⁶²⁾ Тамъ же. См. также замѣтку П. Калашникова. „Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ“ въ „Истор. Вѣсти.“ 1881, сент., стр. 210—212.

⁶³⁾ Миллеръ. „Опис. Сибир. царства“, стр. 111; Фишеръ. „Сибир. Истор.“, стр. 122 и 123.

⁶⁴⁾ Миллеръ, стр. 183.

сти до 5 саж. вышины, видны слѣды укрѣпленія, внутри которого находится нѣсколько ямъ; вблизи же укрѣпленія видны два кургана. Послѣдніе не были оставлены безъ вниманія со стороны кладоискателей и въ нихъ находили житvenные серпы, уголья и кузнечные слитки и другія вещи изъ чугуна, съ изображеніемъ человѣческихъ и птичихъ головъ. Народъ считаетъ эти курганы чудскими, а укрѣпленіе—татарскимъ, сдѣланнымъ для защиты отъ нападенія Ермака. Въ 50 вер. отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу къ Омску, на бугрѣ, близъ такъ называемой «Ермаковой перекопи», также видны остатки укрѣпленія, называемаго Кысымъ-тура (дѣвичій городъ). Говорятъ, что мѣсто это названо такъ въ воспоминаніе подвига тѣхъ татарокъ, которая во время пораженія мужей ихъ Ермакомъ, наносили сюда земли и сдѣлали валъ, за которымъ и спасали себя и свое имущество. Ближе къ Тобольску, въ 25 верст. отъ него и въ 1½ верст. отъ дер. Нижнеярковой, при рч. Козловкѣ, видны слѣды валовъ и рвовъ; по преданію, здѣсь таилась съ своими дѣтьми и сокровищами, во время приближенія Ермака къ Искеру, жена сибирскаго хана Кучума Симбула. Такие же слѣды валовъ существуютъ въ 29 верстахъ отъ Тобольска, между рѣчками Асланиной и Бѣлкиной, вблизи дер. Загвоздиной, и во многихъ другихъ мѣстахъ, особенно въ Тобольскомъ округѣ⁶⁵⁾.

Кромѣ приведенныхъ преданій, между простонародьемъ Западной Сибири существуютъ еще преданія о такъ называемыхъ «разбойничихъ» кладахъ, отличающіяся часто полумифическимъ

65) „Сибирск. Вѣсти.“ 1818, ч. 1, стр. 30, 32 и друг. Въ статьѣ Р. Г. Игнатьева „Памятники древностей въ Курганскомъ округѣ“, упомянутой выше (вып. 46), между прочимъ, описано нѣсколько кургановъ, находящихся въ Усть-суерской волости названного округа, между которыми проходитъ дорога, называемая Казачьей. Тамъ, между прочимъ, сказано: „Здѣсь, по преданію, сражался Ермакъ съ татарами и курганы христіанскіе перемѣшаны съ татарскими“. Есть подобный же указанія на курганы, находящіеся на мѣстахъ нѣкоторыхъ битвъ Ермака съ кучумовцами, гдѣ должны храниться татарскія сокровища, и въ ст. г. Голодникова о сибирскихъ курганахъ, помѣщенной въ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1878 г. (№ 39—41, 44, 46 и 47) и 1879 г. (№ 2 и 3). Приводить все эти указанія намъ не позволяютъ размѣры настоящей статьи.

и легендарнымъ характеромъ, но имѣющія въ основѣ своей какой-либо дѣйствительный фактъ, осколокъ правды.

Въ Тутальской волости, Томскаго округа, въ верстѣ разстоянія отъ деревни Митрофановой, за рѣкою Томью, находится конусообразный курганъ съ ямою на вершинѣ. Съ сѣверо-западной его стороны протекаетъ р. Томь, а съ прочихъ сторонъ мѣстность холмистая. По преданію здѣсь жили двѣнадцать разбойниковъ, которые зарыли въ курганѣ два мѣдныхъ котла, наполненные золотомъ и серебромъ, покрывъ ихъ каменной плитой. Это же преданіе распространено и на другой подобный же курганъ, находящійся въ гористой мѣстности около той же деревни. Говорятъ, что крестьяне когда-то, очень давно, пробовали раскопать этотъ кладъ, но ничего не нашли⁶⁶⁾.

Изъ кладовъ алтайскихъ разбойниковъ, грабившихъ когда-то караваны, проходившіе изъ Джунгарской Урчи на Томскъ, народное преданіе называетъ кладъ разбойника Селезнева. Это былъ весьма популярный разбойникъ, часто укрывавшійся въ вершинахъ небольшой рѣчки, въ 4 верстахъ отъ устья Бухтармы. Въ народѣ онъ извѣстенъ былъ болѣе подъ именемъ Селезня, такъ какъ, попадая часто въ тюрьмы, всегда, лишь только наступала весна, доставалъ ложку воды и уголь, чертилъ послѣднимъ на тюремномъ полу лодку, садился на нее и выплывалъ изъ тюрьмы на рѣку уже въ настоящей лодкѣ⁶⁷⁾, а то иногда и просто, превратившись въ селезня, плылъ открыто по рѣкѣ, не стѣсняясь глазѣвшаго съ берегу народа. Преданіе, записанное въ Бухтарминской станицѣ, прибавляетъ, что яма, гдѣ стояла избушка Селезня, замѣтна еще и теперь. «Главный складъ его имущества былъ

66) В. М. Флоринский. „Топограф. сбѣд. о курганахъ“, стр. 69.

67) Подобное искусство выпливать изъ тюрьмы на лодкѣ, начерченной углемъ, народная фантазія приписывала позднѣе другому разбойнику, казаку Голеникову. Послѣдній разбойничалъ около Омска и, скрывшись оттуда въ Оренбургскую губернію, служилъ тамъ на гражданской службѣ. („Тоб. Губ. Вѣд.“ 1858. № 15, стр. 311). Такая же легенда существуетъ и о другомъ сибирскомъ разбойнике Кореневѣ, сидѣвшемъ въ началѣ 50-хъ годовъ наст. столѣтія въ тобольской тюрьмѣ на цѣпи („Сибирь и катоги“ С. Максимова, (Спб. 1891) II, 20 и 21).

на рѣчкѣ Черновой, впадающей въ Иртышъ, противъ Бухтармы, съ степной стороны. Онъ хотѣлъ открыть его конвойнымъ, которые въ послѣдній разъ везли его въ лодкѣ по Иртышу въ Усть-каменогорскую крѣпость, прося ихъ воротиться къ Черновой, но конвойные не согласились. Такъ имущество его и доселѣ лежитъ неоткрытымъ и должно превратиться въ кладъ⁶⁸⁾.

Клады сибирскихъ разбойниковъ упоминаются даже и въ отдаленныхъ отъ Сибири русскихъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, по преданію, записанному въ Астраханской губерніи, селѣ Ремонтномъ⁶⁹⁾, къ одному пастуху явился какъ-то утромъ неизвѣстный старикъ и спросилъ, хочетъ ли онъ, пастухъ, сдѣлаться богатымъ; послѣдній конечно, отвѣчалъ утвердительно, и старикъ ему признался, что онъ—вернувшись теперь изъ Сибири разбойникъ и что изъ-за қлятвы онъ самъ не можетъ воспользоваться кладомъ, и при этомъ указалъ мѣсто, гдѣ находится кладъ—полярочный котелокъ съ драгоцѣнностями; пастухъ отправился и началъ копать, но вдругъ на него напалъ сильный страхъ, и онъ убѣжалъ, бросивъ все, а впослѣдствіи даже и совсѣмъ удалился изъ этихъ мѣстъ; ходили потомъ туда же разрывать кладъ и другое, но ничего не находили.

Нѣкоторые слѣды кладовъ въ Западной Сибири или точнѣе въ юго-западныхъ округахъ Тобольской губерніи оставила и пугачевщина. Въ 1889-мъ году нѣкоторыми сибирскими газетами, объ одномъ изъ такихъ кладовъ передавалась слѣдующая мудреная исторія. Въ мартѣ мѣсяца этого года въ Тобольскѣ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ по разнымъ дѣламъ, хранившихся при мѣстномъ окружномъ полицейскомъ управлѣніи, найденъ былъ «каменный крестъ, вершковъ шести» съ слѣдующею надписью: «Сей крестъ заветный кладенная сія поклажа сибирскимъ пугачевскимъ воинамъ двадцати пяти человѣкамъ, есауломъ Змѣюлановымъ свидѣтельствована казна и положена въ сундукъ счетомъ. имперіалами сто тысячъ. полуинперіалами пятьдесятъ тысячъ. монетами тоже пятьдесятъ тысячъ. да кто сей крестъ

заветный счастливымъ рабомъ найти тотъ и казну нашу возметъ.—нашу казну возмите и посібе делите другъ друга не обите.—но вмѣсто нашей казны по завету нашему положите въ ту яму двухъ младенцовъ, то во избавленіи ихъ положите за каждую голову по двести монетовъ, но не звонкой, а бумажной царской для вечной потехи стражамъ нашимъ; а безъ исправнаго завета и къ казне къ нашей не приступайте, ибо наши стражи страши и люты, чего дѣлаютъ рабамъ противно ихъ не видно, а за свое будуть стоять крепко; по вынятіи сего завѣтнаго креста и завета готоваго, ищите отговорщика. а отговорщикъ долженъ знать какъ показано на семи главахъ сего креста, какъ сдѣлать заветъ, потомъ завещанія. и какъ нашимъ сторожамъ управляются. по зделаніи завету къ вынятіи поклажи приступать въ шестую полночь, а когда казну нашу вимите, то сей крестъ . . . . и засыпте свой заветъ. слушатся отговорщика какъ скажано выполните и казну нашу получите. Аминь». По дальнѣйшимъ сообщеніямъ корреспондентовъ, «на семи главахъ креста находится, должно быть, завѣтъ, слѣдующія буквы со многими точками, поставленными то позади буквъ, то впереди, то по обѣимъ сторонамъ; буквы слѣдующія: К, Б, ТП, Н, ЦД, О, М. Въ текстѣ, вмѣсто буквы я пишется славянскій малый юсъ, знаковъ пречинанія нѣть, за исключеніемъ точекъ, которыя авторъ ставить гдѣ попало, буква н не употребляется». Загадочный крестъ переданъ былъ бывшему хранителю тобольского музея (Н. А. Лыткину). По разсказу одного изъ тобольскихъ старожиловъ (М. С. Знаменского) оказалось, что крестъ этотъ найденъ былъ крестьянами какой-то деревни на межѣ, отдѣляющей ту деревню отъ деревни сосѣдней, и что на право владѣнія крестомъ предъявляли свои требования крестьяне этой послѣдней деревни, но возникъ споръ, дошедший до дубинокъ; по этому поводу возникло дѣло, вещественнымъ доказательствомъ къ которому и былъ представленъ упомянутый крестъ⁷⁰⁾. Несомнѣнно, что споръ и дубинки вызвали

⁶⁸⁾ Афанасій Селезневъ, разбойникъ. „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1858. № 16.

⁶⁹⁾ „Жив. Старина“ 1891. вып. III, стр. 232.

⁷⁰⁾ „Дѣлов. Корреспондентъ“ 1889. №№ 50 и 57; „Тоб. Губ. Вѣд.“ № 43 и друг. газеты. Любопытно было имѣть болѣе подробное сообщеніе по этому

ны были желаниемъ крестьянъ на завладѣніе богатымъ кладомъ. Но — возвратимся къ кладоискательству.

V.

Старая Сибирь, какъ уже замѣчено нами, была извѣстна, вообще, за страну, сильно зараженную суевѣріемъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что нашъ крестьянинъ-сибирякъ далеко еще не такъ суевѣренъ, какъ крестьянинъ-великороссъ, и часто относится совершенно скептически къ тому, что для послѣдняго составляетъ неоспоримую истину. Этому скептицизму, несомнѣнно, и должно быть приписано то обстоятельство, что колдуны и знахари въ Сибири, вообще, явленіе рѣдкое, и всякая дѣятельность ихъ въ сферѣ чудеснаго прекращается большою частію въ самомъ началѣ. Тѣмъ ве менѣе сибирское кладоискательство, исключая, разумѣется, случаевъ, гдѣ оно являлось открытымъ промысломъ, въ которомъ принимали участіе многочисленныя артели, составлявшіяся, по замѣчанію Мессершмидта, въ размѣрѣ 200—300 и болѣе человѣкъ⁷¹⁾, не обходилось безъ участія колдовства. Практика колдуновъ касалась тѣхъ кладовъ, извѣстность которыхъ составляла какимъ-либо образомъ сокровенную тайну немногихъ лицъ, или же кладовъ, мѣста которыхъ еще нужно было разыскивать. Послѣднее подтверждается и знакомымъ уже намъ замѣчаніемъ ученаго серба Крижаница о томъ, что въ Сибири «нѣкоторые люди отдаются чернокнижію», при помощи котораго находить и разрываютъ «неизвѣстныя могилы древнихъ Скиѳовъ»⁷²⁾. Въ этомъ случаѣ, представляется особенно любопытнымъ вопросъ о средствахъ колдовства, но для разясненія этихъ средствъ, за отсутствиемъ фактическихъ указаний, можно сдѣлать лишь нѣкоторыя догадки, основу коихъ могутъ составить тѣ же взгляды на клады, предмету отъ бывшаго хранителя тобольского музея Н. А. Лыткова: упомянутаго креста мы въ музѣѣ не нашли.

⁷¹⁾ См. выноску 15-ю.

⁷²⁾ См. выноску 12-ю. Припомнимъ приведенное выше замѣчаніе Крижаница (вын. 25-я) о тобольскомъ воеводѣ-колдунѣ, изъ колыца котораго заключена была будто бы дьявольская сила. Въ другомъ мѣстѣ своей „Исторіи“ тотъ же Крижаничъ говорить: «Въ Тобольскѣ проживалъ одинъ воинскій начальникъ

которые были исконной принадлежностью великороссовъ, явившихся главными колонизаторами Сибири.

Очутившись на сибирскихъ пустыряхъ, русскіе колонизаторы, разумѣется, не забыли того, чему учили ихъ на родинѣ, и свято вѣрили, что въ дѣлѣ освобожденія клада отъ опеки дьявола и добычи скрытаго въ немъ богатства имѣютъ большую силу разныя травы. Такая вѣра, по нашему мнѣнію, могла развить въ новопокоренной странѣ еще болѣе прочные устои, такъ какъ Сибирь того времени считалась страною, гдѣ произрастали и «всякія травы» и «всякія воровскія коренья», чѣмъ особенно интересовалась Москва. Это подтверждаютъ и нѣкоторыя изъ царскихъ грамотъ. Такъ, изъ грамоты верхотурскому воеводѣ кн. Пожарскому, отъ 13 октября 1625 г. видно, что онъ, Пожарскій, нашелъ у проѣзжаго протопопа Якова въ коробкѣ «траву багрову, да трои корени, да камокъ пухчеватъ бѣль, и того протопопа распрашивалъ: какая трава и корень, и какое угодье». Оказалось, что протопопу даль эти любопытныя и вмѣстѣ подозрительныя вещи тобольскій казакъ Степанко Козы-ноги, и воеводѣ предписывалось «того протопопа Якова и коробью, что у него вынута, съ воровскимъ коренемъ, прислать къ Москвѣ съ приставомъ»⁷³⁾. Другою грамотою (въ октябре 1675 г.), не одинъ разъ повторявшеюся, требовалось изъ сибирскихъ травъ «строить лѣкарства и водки», присылая «къ Москвѣ»⁷⁴⁾. Изъ многихъ травъ, рекомендовавшихся для отысканія кладовъ, у сибирскихъ кладоискателей считалась лучшою Разрывтрава, называемая иначе Сиринъ-трава. Выше мы уже видѣли⁷⁵⁾,

(котораго назовемъ здѣсь Антониемъ), мужъ почтенной жизни. Однажды къ нему пришелъ другой начальникъ и рассказалъ, что у него есть книга малая величиною, но великая по достоинству. «Всякій разъ», говорилъ онъ, «какъ я прочту ее, жизнь моя въ теченіе тридцати дней бываетъ безопаснa отъ всякаго оружія, я пользуюсь расположениемъ какихъ угодно начальствующихъ лицъ и во всякомъ спорѣ бываю побѣдителемъ...» „Исторія о Сибири“ въ изд. Юдина, стр. 200.

⁷³⁾ „Историч. акты“ (1841), III, № 137.

⁷⁴⁾ „Историч. акты“ (1842), IV, № 256. Остальные документы, касающіеся сбора въ Сибири травъ и кореньевъ, помѣщены въ „Дополн. къ историческ. актамъ“ (1857 и 1859), VI, стр. 360—364 и 375—376 и VII, стр. 329—330.

⁷⁵⁾ См. выноску 6-ю.

что для хитрыхъ людей, попавшихъ въ кругъ кладоискателей, эта трава служила легкимъ способомъ наживы. Къ сказанному ранѣе не лише прибавить, что, пользуясь невѣжествомъ простого народа, такие мудрецы за чудесное дѣйствіе сильной будто бы въ добычѣ кладовъ Разрывъ-травы выдавали иногда дѣйствіе извѣстнаго «гремучаго серебра» (*argentum oxidatum fulminans*). В. Н. Витевскій, статьи которого о кладахъ была уже цитирована выше, приводить между прочимъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Орловской губерніи. Крестьянинъ графа Шереметева Леонтий Ануфриевъ, имѣя только для виду какую-то травку въ пузырькѣ, при помощи «гремучаго серебра», производилъ въ кузницѣ, въ присутствіи кладоискателей, опытъ дѣйствія чудесной травы надъ желѣзомъ, и опытъ вполнѣ удался; полоса желѣза почти въ четверть аршина длиной и въ ширину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія чудесной травы разлеталась на четыре части съ трескомъ на подобіе выстрѣла, при чемъ Ануфриевъ, произведившій опытъ своими руками, уверялъ, что безъ особенной споровки и умѣнья ничего не сдѣлаешь, если даже и будешь имѣть эту траву⁷⁶⁾. Сибирские знахари утверждаютъ, что пайти эту траву чрезвычайно трудно. Корень ея, въ отдѣльныхъ его побѣгахъ, представляетъ будто бы вполнѣ человѣческій образъ, т.-е. если собрать всѣ отрывки корня и сложить, то составится подобіе человѣческаго тѣла въ уменьшенномъ видѣ⁷⁷⁾. Между сибиряками недавно еще распространено было преданіе, что Разрывъ-траву умѣть находить извѣстный разбойникъ Кореневъ; искалъ онъ ее «по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ». Съ помощью этой

⁷⁶⁾ „Клады... на Руси“, стр. 419: ссылка на „Журн. М. Вн. Дѣл“ 1845. IX, стр. 313 и слѣд., а также замѣтку къ статьѣ „Преданія о кладахъ“ Л. Майкова.

⁷⁷⁾ Разрывъ-трава сибирскими знахарками рекомендуется и въ другихъ случаяхъ. Если беременная женщина будетъ пить частой ея, то плодъ въ утробѣ ея разорвется на части и изойдетъ въ видѣ кровей. Но такъ какъ Разрывъ-травы въ дѣйствительности не существуетъ, то подъ именемъ ея знахарки въ нужныхъ случаяхъ даютъ земляничный корень, луковичная перья, цвѣточки ржи, крутой щелокъ, сѣру и порохъ, которые будто бы дѣйствуютъ съ постояннымъ успѣхомъ, открывая весьма сильные регулы. Костровъ. „Юридические обычаи...“ стр. 70.

чудодѣйственной травы ему никакіе кандалы были не страшны, передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоялъ, всякия двери и ворота отпирались⁷⁸⁾.

Упомянутъ выше о продѣлкѣ съ воображаемою Разрывъ-травою въ Орловской губерніи, считаемъ не лишнимъ привести еще рассказъ, показывающій, какъ простодушные кладоискатели попадались въ обманъ, перенося напрасно значительныя издережки, въ сосѣднемъ нашему району Пермскомъ краѣ.

Дѣло происходило въ 1851 году въ Оханскомъ уѣздѣ, у крѣпостныхъ людей гр. Строгановыхъ. Одинъ крестьянинъ рассказалъ секретно тремъ человѣкамъ изъ мастеровыхъ, что онъ знаетъ мѣсто, где скрытъ кладъ на сумму до 70 тысячъ руб. по старому курсу, и что къ этому сокровищу приставленъ караульнымъ лѣсной, который за выдачу клада требуетъ $1\frac{1}{2}$ тысячи руб. легкой монетой, ведро хлѣбнаго вина и рыбный пирогъ въ 10 фунтовъ. Чтобы повѣрить этотъ разсказъ, двое мастеровыхъ отправились съ указателемъ клада на мѣсто и, дѣйствительно, въ лѣсномъ колѣ близъ муравейника и большой ели увидѣли въ землѣ на незначительной глубинѣ окованый желѣзомъ ящикъ; но въ то самое время, когда хотѣли вскрыть его, они услыхали изъ лѣса грозный голосъ, запрещавшій имъ, подъ опасенiemъ смерти, дѣлать это и вѣщающій, что если кто хочетъ получить кладъ, то приносить бы въ полночь поминутое выше вознагражденіе, а теперь ему, караульщику, выдавать кладъ некогда, — онъ идетъ на войну. Чрезъ нѣсколько времени кладоискатели со знатокомъ клада унесли и оставили около него 447 р. ассигн., рыбный пирогъ и ведро вина и, отойдя отъ клада, услышали тотъ же голосъ: принесенное-де принято, но клада теперь они не получатъ: мѣсяцъ молодой — будетъ имъ сильное увѣчье. Черезъ двѣ недѣли кладоискатели еще унесли 38 р., пирогъ и $1\frac{1}{2}$ в. вина, но неизвѣстный голосъ объявилъ, что кладъ выдастъ тогда, когда получить остальную (до $1\frac{1}{2}$ т.) сумму. Повременивъ немного, кладоискатели рѣшились

⁷⁸⁾ С. Максимовъ. „Сибирь и каторга“, II, 21.

осмотрѣть мѣсто, гдѣ видѣли ящикъ, но послѣдняго уже не нашли,—и обманъ обнаружился.

Подобные обманы въ Пермскомъ краѣ повторялись не одинъ разъ. Случалось и такъ, что въ вырытыхъ изъ земли ящикахъ находили, вмѣсто денегъ, мелкіе камни или разбитыя стекла. Обманы выполнялись столь хитро, что кладоискатели рѣдко увѣрялись въ нихъ и чаще относили свои неудачи къ тому, что при вскрытии клада не соблюли сами какого-либо условія: наприм., усумнились въ дѣйствительности клада, или не выдержали испытанія, и оттого деньги превратились въ камни или стекла^{79).}

Въ заключеніе своей статьи намъ остается коснуться еще одного вопроса: въ чемъ именно заключались тѣ дѣйствительныя причины, которыя породили въ нашемъ народѣ вѣру въ клады вообще и развили въ послѣдователяхъ ея любовь къ кладоискательству? Причины эти, по нашему мнѣнію, совершенно одинаковы какъ для различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества, такъ и для взятаго нами района—Западной Сибири.

Въ старину, какъ известно, ни банковъ ни сберегательныхъ кассъ не было, а держать дома трудомъ нажитое добро было рискованно, и еще болѣе было опасно пускать капиталы въ оборотъ, при внутреннемъ неустройстве общества, при постоянныхъ нападеніяхъ непріятелей. «Сильные притѣсняли слабыхъ»—замѣчаетъ по этому поводу Н. Я. Аристовъ—и отнимали ихъ собственность; воры и разбойники нерѣдко похищали имущество другихъ; самовластіе служителей правосудія доходило до того, что они вытягивали послѣднюю копейку съ подсудимыхъ. Поэтому умные люди старого времени считали самымъ практическимъ дѣломъ прятать деньги и цѣнныя вещи какъ можно дальше отъ завистливаго взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разоренію, личнымъ оскорблѣніямъ и преслѣдованіямъ, чтобы обезопасить свое семейство на всякий случай и сохранить малую толику на черный день,—они зарывали въ землю имущество, нажитое потомъ и кровью. Припоминая постоянную борьбу русскихъ съ финскими, татарски-

⁷⁹⁾ „Пермскій край“, т. III (Пермь. 1895), стр. 215 и 216.

ми и нѣмецкими племенами, затѣмъ внутреннія междуусобія и неустройства общественныхъ порядковъ, каждый теоретически можетъ сдѣлать выводъ, что кладовъ, зарытыхъ въ древнее время, должно быть громадное количество.»⁸⁰⁾

Въ Сибири поводы къ сокрытию имущества, кромѣ изложеныхъ причинъ, усиливала еще и особенность юридическихъ отношеній между собою членовъ семьи. Здѣсь въ имуществѣ, составляющемъ общее достояніе семьи, полнымъ его хозяиномъ считается, обыкновенно, старшій въ семействѣ хозяинъ—неограниченный повелитель въ домѣ. Онъ распоряжается всѣмъ общимъ достояніемъ семьи, какъ ему угодно. Отдельная собственность членовъ семьи, за исключениемъ приданаго жены, можетъ существовать не иначе, какъ съ согласія этого старшаго члена. Всякій заработка того или другого младшаго члена семьи идетъ въ общую массу имущества—одно цѣлое достояніе семьи. При такихъ условіяхъ семейнаго домостроя каждый членъ семьи старается скрыть часть своего пріобрѣтенія или заработка на тотъ же черный день, а самъ домохозяинъ прячетъ отъ домашнихъ своихъ пріобрѣтаемыхъ общими силами деньги то въ чулокъ, то въ перину, то въ трубу, чтобы никто не зналъ. Иногда мѣсто сокрытия денегъ не объясняется даже и при смерти, и спрятанное такъ и пропадаетъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было.

Несмотря на это, въ Сибири весьма не рѣдки случаи нахождокъ подобныхъ кладовъ. Чаще всего такие клады обнаруживаются въ подпольяхъ, вышкахъ и другихъ темныхъ мѣстахъ жилыхъ строеній. Такіе же клады встречаются иногда и на пашняхъ. Происхожденіе упомянутыхъ кладовъ можно объяснять ничѣмъ другимъ, какъ приведенными семейными условіями сибирскаго простонародья. Въ большинствѣ случаевъ старые люди любили класть деньги въ глиняныя корчаги и зарывать ихъ въ землю. Подполья домовъ, въ этомъ случаѣ, представляли самыя удобныя мѣста: такъ, наприм., въ 1858 году, въ Пановской волости, быв-

⁸⁰⁾ Упомянутая выше (вып. 7) ст. профес. Аристова „Преданія о кладахъ“, стр. 711.

шаго Омского округа, крестьянинъ Василій Клепиковъ, при перестройкѣ дома, вырылъ подъ поломъ изъ земли двѣ огромныхъ корчаги, въ которыхъ оказалось 2505 пятикопеечныхъ монетъ времень Екатерины и Павла. Клепиковъ былъ увѣренъ, что кладъ этотъ зарытъ его отцомъ⁸¹⁾. Иногда же кладъ, находимый кѣмъ-либо изъ потомковъ спрятавшаго и представившій особую цѣнность, снова перепрятывался въ другое мѣсто. Подобный перепрятанный кладъ найденъ недавно (28 іюня 1893 г.) въ Логиновской волости, Тарского округа. Крестьянка деревни Тереховой Акулина Цолынская, спускаясь съ горы вблизи деревни, замѣтила въ склонѣ горы торчавшій изъ земли черепокъ, потянула его и вытащила вмѣстѣ съ нимъ слѣдующія серебряные вещи: 1) два сосуда въ формѣ гладкихъ полуокруглыхъ чашъ, или ковшей безъ ручекъ, вѣсомъ каждый въ 34 золотника; 2) два сосуда въ формѣ ковшей, съ рельефными на днѣ изображеніями неизвѣстнаго звѣра, вѣсомъ каждый сосудъ по 33 золотника; 3) два слитка въ видѣ продолговатыхъ полосъ, вѣсомъ оба въ 92 зол., и 4) двадцать мелкихъ серебряныхъ бухарскихъ монетъ. Положеніе вещей, едва прикрытыхъ землею, ясно намекало на то, что первоначальная находка ихъ была сдѣлана въ другомъ мѣстѣ⁸²⁾.

Таковы, въ общихъ чертахъ, причины, вызвавшія въ нашихъ предкахъ вѣрованія въ клады и любовь къ кладоискательству, такъ сказать, съ житейской, обыденной стороны; съ научной же точки зренія, дѣло представляетъ нѣкоторыя другія особенности.

Если современные раскопки археологами сибирскихъ кургановъ и сообщенія о находимомъ въ нихъ даютъ для науки много богатаго матеріала, то не менѣе цѣннаго матеріала для нея можетъ представлять и изученіе мѣстнаго кладоискательства. Съ этой точки зренія особый интересъ сосредоточивается на народныхъ преданіяхъ. При изученіи духовной жизни народа, эти преданія насколько цѣнны для историка, настолько же цѣнны и для психолога и поэта. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія

въ преданіяхъ о кладахъ видятъ политico-экономический смыслъ русского народа: «преданіе,—по замѣчанію Т. Н. Грановскаго,—не заботится о вѣрности, но въ немъ есть истина другого рода: въ немъ высказываются любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину». Мы знаемъ, что русское простонародье не можетъ вспоминать своего прошедшаго полной материальной обеспеченностью, и поэтому нѣтьничего странного въ томъ, что нашъ крестьянинъ и до послѣдней поры мало вѣритъ, чтобы можно было скоро разбогатѣть своимъ трудомъ: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палать каменныхъ»,—говорить онъ въ пословицѣ своей. У сибириака такъ же, какъ и у всякаго российскаго человѣка, мнѣнія о собратѣ своемъ, нажившемъ богатство, чаще всего сводятся къ тому, что послѣднему посчастливилось найти кладъ; въ другихъ же случаяхъ онъ относитъ это къ какому-нибудь нечестному дѣлу. Въ упомянутомъ нами трудѣ „о кладахъ“ В. Н. Витевскаго встрѣчается, между прочимъ, такое замѣчаніе: «Особенно любопытно то обстоятельство, что всѣ преданія о кладахъ подъ вліяніемъ христіанства получили легендарный характеръ чисто въ русскомъ духѣ. Стенька Разинъ, Кудеяръ, братъ Разина Иванъ и другие разбойники, зарывая кладъ, оставляютъ въ мѣстахъ сокрытия клада или святыя иконы или милостыню нищимъ, и самый кладъ по большей части зарываютъ ни для купца ни для боярина, а для людей бѣдныхъ, простыхъ, неопытныхъ, для дѣтей и тѣхъ, которые гонимы другими и претерпѣваютъ напрасно побои и притѣсненія,—словомъ, въ преданіяхъ о кладахъ отразился тотъ же взглядъ народа, что и въ его бытовыхъ сказкахъ о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, о трехъ братьяхъ, о трехъ сестрахъ и снохахъ, о мачихѣ и падчерицѣ и др., гдѣ бѣдные и правдивые, гонимые богатыми и притѣсняемые криводушными, младшіе, преслѣдуемые старшими, слабые—сильными въ концовъ торжествуютъ и выходятъ побѣдителями»⁸³⁾. Любопытенъ также въ этомъ отношеніи разсказъ, за-

⁸¹⁾ „Тобольск. Губ. Вѣд.“ 1858, № 32.

„Ежегодникъ Тоб. Губ. Музея“, вып. 1, 1893 (Зам. въ текущ. хроникѣ).

⁸²⁾ Витевский. „Клады...“ стр. 422. Въ „Живой Старинѣ“ (вып. II (1890), стр. 139) И. Мамакинъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее преданіе

писаный Н. Я. Аристовымъ. Въ одномъ домѣ была женщина въ загонѣ, нелюбимая въ семье; ей не позволяли даже участвовать въ общемъ деревенскомъ весельѣ и играхъ, и потому она больше сидѣла дома. Какъ только останется она наединѣ, вдругъ завоетъ въ трубѣ вѣтеръ и послышится голосъ: «упаду—расшибусь!»... Когда она рассказала о томъ роднымъ, тѣ подняли ее на смѣхъ и обругали. Страхъ одолѣлъ несчастную женщину, и она рассказала о томъ своей сосѣдкѣ, которая научила ее, какъ пособить горю: «ты возьми,—говорить,—блѣлую скатерть, разстели около печки, поставь хлѣба-соли, и какъ только заговорить въ трубѣ голосъ, ты скажи: «ушади-расшибись на хлѣбъ да на соль да на добрые годы!» Припасла все это молодуха, сидѣть одна одинешенька попрежнему, а кладъ не является, пересталъ совсѣмъ голосить въ трубѣ, такъ что она о немъ и забывать стала. Сидѣть она однажды вечеромъ, задумавшись; вдругъ завыло въ трубѣ сильнѣе прежняго: «ушаду-расшибусь!»... Сначала молодуха оробѣла, по-

о Стенькѣ Разинѣ, записанное имъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. «Въ „Орловомъ кустѣ“ обитала атаманша Марина безбожница, а въ „Чукалахѣ“ жилъ Стенька Разинъ. Мѣстности эти въ то время были покрыты непроходимымъ лѣсомъ. Марина со Стенькою вела знакомство, и вотъ когда Марина вздумаетъ со Стенькою повидаться, то кинеть въ станъ къ нему, верстъ за шесть, косырь, а онъ ей отвѣчаетъ „иду-де“, и кинеть къ ней топорь. Марина эта была у него первой наложницей, а прочихъ до 500, и триста женъ. И не могли Стеньку поймать. Поймаютъ, посадятъ въ острогъ, а онъ попросить въ ковшикѣ водицы испить, начертить уголькомъ лодку, выльетъ воду—и поминай какъ звали. Уже товарищей его всѣхъ переловили и разогнали, а онъ самъ ушелъ и спрятался на берегу, между Окой и Волгой, и до сихъ поръ тамъ живеть—весь обросъ мохомъ, не знать ни губъ ни зубовъ. Не умираетъ же онъ отъ того, что его мать-земля не принимаетъ. И оставилъ этотъ разбойникъ адѣль кладъ, подъ корнями шести березъ зарылъ его. А узнали про это вотъ какъ: сидѣлъ одинъ мужичекъ въ острогѣ вмѣстѣ съ товарищемъ разбойника. Вотъ тотъ и говоритъ ему: «послушай, братъ, въ такомъ то мѣстѣ лежитъ кладъ, мы зарыли его подъ корнями шести березъ, рой его въ такое-то время.» Стало быть, ужъ онъ не чаялъ, что его выпустятъ на вольный свѣтъ, а, можетъ быть, раскаялся и даль зарокъ. Вышелъ этотъ мужикъ изъ острога, пошелъ на указанное мѣсто, а березы ужъ срубили и корней не знать; рассказалъ онъ про это всему селу: подѣлали щупы, однако клада не нашли, а кладъ-то, говорить, все золото да серебро—цѣлая боченъ.»

томъ оправилась и тотчасъ разостлала скатерть и проговорила, по совѣту сосѣдки, немудрѣя слова. Кладъ разсыпался изъ трубы се-ребромъ прямо на скатерть⁸⁴⁾.

Нельзя, однаждѣ, не замѣтить, что въ русскомъ народѣ, осо-бенно же въ сибирякахъ, вѣра въ клады начинаетъ слабѣть. При-знаки этого мы видимъ въ позднѣйшихъ разсказахъ о находкахъ кладовъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, одна изъ сибирскихъ газетъ передавала слѣдующій случай:

«Недавно въ селѣ Ладейкахъ, около Красноярска, умеръ крестьянинъ, оставилъ большія деньги. О томъ, какъ достались онѣ ему, разсказываютъ странную исторію. Крестьянинъ этотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ увидѣлъ во снѣ какого-то старика, который три раза снился мужику и каждый разъ говорилъ ему, чтобы онъ шелъ въсосѣднюю деревню Ботой и тамъ бы нанился копать подвалъ, гдѣ найдеть кладъ, который онъ совѣтовалъ взять ночью. Мужикъ долго не вѣрилъ этому и не поддавался на вну-шенія сна, но послѣ третьаго появленія загадочнаго старика онъ не выдержалъ и пошелъ въ Ботой, гдѣ дѣйствительно ему уда-лось наниться за 2 рубля копать подвалъ. Долго рылъ мужикъ этотъ подвалъ, но никакого клада не находилъ; наконецъ, подвалъ былъ вырытъ, осталось только выбросить лопаты три земли, ко-торая, какъ на грѣхъ, не поддавалась на лопату, но два-три уси-лия—и звукъ металла возвѣстилъ мужику, что здѣсь-то и лежить такъ долго ожидаемый кладъ. Мужикъ, конечно, бросилъ лопату и сталъ дѣйствовать руками и дѣйствительно обрѣлъ котелокъ съ золотыми. Помня наставленіе старика, явившагося ему во снѣ, не брать клада днемъ, онъ снова зарылъ его въ землю, а ночью взялъ его, и вотъ это-то золото послужило основаніемъ къ богат-ству мужика, который съ тѣхъ поръ и зажилъ со своею старухой въ довольствѣ»⁸⁵⁾.

По времени это одно изъ преданій болѣе позднаго проис-

⁸⁴⁾ Упомянутая выше ст. Аристова, стр. 727.

⁸⁵⁾ „Тобольск. Губ. Вѣд.“ 1895, № 6, стр. 91 (Извѣстіе о кладѣ заимство-вано изъ газеты „Енисей“).

хожденія и, какъ видимъ, во многомъ уже лишено той ми-
еической окраски, какая придавалась подобнымъ преданіямъ на-
шими предками: въ немъ уже не упоминается ни приставника
въ видѣ дьявола, ни Разрывъ-травы, ни воскресенской свѣчи, а
дѣло обходится проще—однимъ только сновидѣніемъ счастливца,
которому кладъ отдается добровольно.

Очевидно, русскій человѣкъ начинаетъ доживать до той по-
ры, когда и вѣра въ клады и преданія о нихъ будутъ считаться лишь
характерной чертой былого времени...

Кузнецовъ-Тобольскій.

15193
97